
ДБ
350
П78
Провинц.
кружки.
Спб, 1907

Политич., историч. и попул.-научная „БИБЛІОТЕКА для САМОРАЗВИТІЯ“.
Выпуски 67—68.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Выпускъ 17-й.

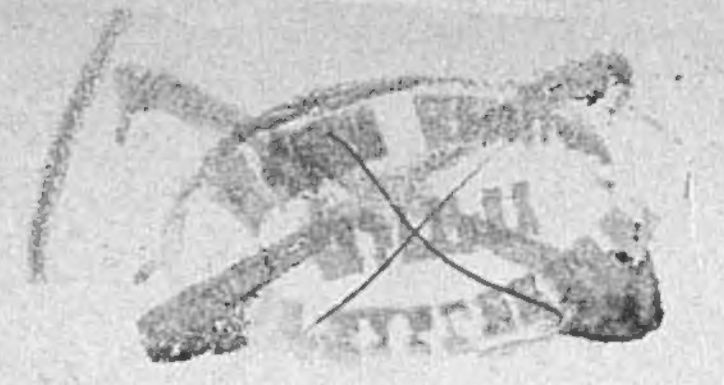
ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ КРУЖКИ
1873—1874 ГГ.
И
МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ
1875 ГОДА.

Выпускъ 18-й.

„Троглодиты“.
„Земля и Воля“.

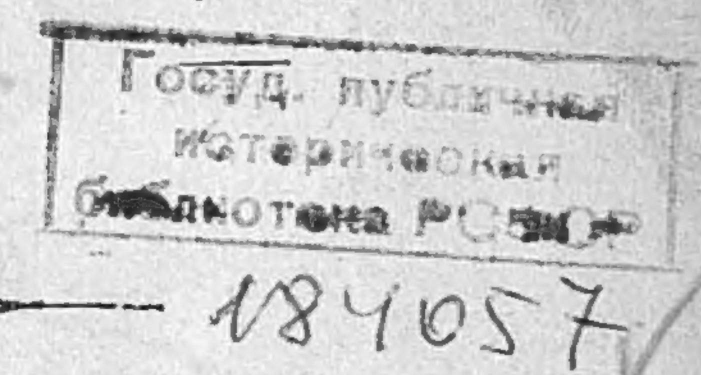
БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

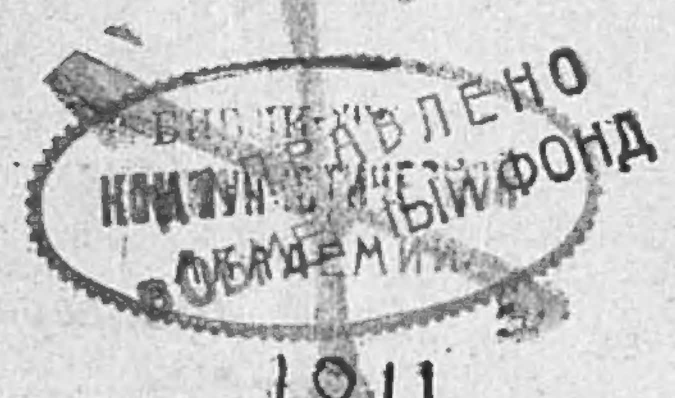
ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ КРУЖКИ
1873—1874 гг.
И
МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ
1875 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., д. № 40.
1907.

ИБ...ЕКА
68687
КУНИЗ'а

ИСПРАВЛЕНО
ВОЕННЫЙ ФОНД
1011
27.

КУНИЗ

I.

«Измѣнники»: Низовкинъ, Рабиновичъ, Трудницкій, Гориновичъ, Идалія Польгеймъ, Ларіоновъ. — Романъ Ларіонова.—Старые грѣхи Ларіонова. — Дробышъ-Дробышевскій и его разоблаченія. — Смирновъ. — Побѣгъ Ходько.—Трезвинскій и его дѣятельность.—Черниговскій кружокъ и Божко-Божинскій.

Послѣ Петербурга и Москвы самымъ значительнымъ центромъ революціонной дѣятельности былъ Кіевъ, гдѣ дѣйствовали: Каблицъ, Брешко - Брешковская, Дебогорій - Мокріевичъ, Стефановичъ и другіе столпы движенія 70-хъ гг. Въ Кіевѣ дѣйствовала «кіевская коммуна», которая замѣчательна тѣмъ, что изъ ея среды вышли три человѣка, выдавшіе на слѣдствіи многихъ товарищей: Гориновичъ, Ларіоновъ и Польгеймъ.

«Измѣнники»—особая категорія пропагандистовъ 70-хъ годовъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди, хотя и энергичные, но игравшіе второстепенную роль въ дѣятельности кружковъ, люди, не съумѣвшіе или не успѣвшіе выработать себѣ прочнаго міровоззрѣнія и нравственныхъ устоевъ. Попавъ въ руки жандармовъ и находясь въ одиночномъ заключеніи, быть можетъ, подъ вліяніемъ угрозъ или обѣщаній, они начинали «каяться», доказывать свою благонамѣренность и благонадежность, разыгрывать роль невинныхъ жертвъ, вовлеченныхъ революціонерами въ ихъ преступную дѣятельность по неопытности или

по малолѣтству. Попутно они разсказывали все, что только имъ было извѣстно, про дѣятельность различныхъ лицъ, чѣмъ и объясняются, какъ аресты цѣлой массы лицъ, мало причастныхъ къ движенію, такъ и составленіе длиннаго списка лицъ, игравшихъ болѣе видную роль, но успѣвшихъ скрыться.

Такъ, разгромъ петербургскихъ «чайковцевъ» въ концѣ 1873 и первыхъ мѣсяцевъ 1874 г. объясняется, главнымъ образомъ, разоблаченіями Александра Низовкина. У него явилась какая-то манія выдачъ, и даже чины, производившіе дознаніе, пытались отдѣлаться отъ него подъ благовиднымъ предлогомъ, такъ какъ, выдавъ все, ему извѣстное, онъ утруждалъ начальство излишними подробностями и деталями, не имѣвшими значенія для дѣла. Сенатъ, во вниманіе къ его полному, съ раскаяніемъ, чистосердечному сознанію и указанію на многихъ изъ сообщниковъ, постановилъ освободить его отъ всякаго наказанія.

Несомнѣнно больше вреда, чѣмъ Низовкинъ, принесъ пропагандистамъ Моисей Рабиновичъ, непосредственный помощникъ Лермонтова и Ковалика. И онъ многихъ выдалъ, многихъ компрометировалъ, но имъ руководили мотивы другіе, чѣмъ Низовкинымъ. Страдая большимъ самомнѣніемъ и слишкомъ цѣня свои способности и таланты, онъ рѣшилъ, что такая крупная сила, какъ онъ, не должна пропадать даромъ для революціи. Онъ рѣшилъ надуть жандармовъ. Выдавая товарищей, и безъ того уже, по его мнѣнію, достаточно компрометированныхъ и погибшихъ, онъ надѣялся купить себѣ свободу съ тѣмъ, чтобы, выйдя на волю, продолжать революціонную дѣятельность. Ему не удалось достигнуть своей цѣли, жандармы не вполнѣ повѣрили въ искренность его признаній, и Рабиновичъ оставался въ

тюрьмѣ. Тогда имъ овладѣло раскаяніе и на одномъ изъ своеобразныхъ митинговъ, устраивавшихся обвиняемыми по дѣлу «193-хъ» въ домѣ предварительнаго заключенія, онъ принесъ публичное покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ и былъ торжественно прощенъ товарищами. Весьма возможно, что поступки Рабиновича объясняются ненормальностью его психики. Сосланный въ Иркутскую губернію, онъ тамъ окончательно сошелъ съума и умеръ.

Еще болѣе сложный и неуравновѣшенный типъ представляетъ собою «предатель сенъ-жебунистовъ», Георгій Трудницкій. Благодаря его указаніямъ, были арестованы почти всѣ одесскіе пропагандисты, о дѣятельности которыхъ власти не имѣли никакого представленія. Трудницкій самъ принадлежалъ къ числу «сенъ-жебунистовъ», съ которыми сошелся еще въ Швейцаріи и принялъ ихъ мирную программу, стремиться къ поднятію среди народныхъ массъ сельскохозяйственной культуры, къ распространенію просвѣщенія. Лучшимъ доказательствомъ искренности его убѣжденій служитъ тотъ фактъ, что, по первому требованію товарищей, онъ сейчасъ же продалъ свое имѣніе съ тѣмъ, чтобы на вырученныя деньги пріобрѣсти нѣсколько небольшихъ участковъ земли и устроить тамъ образцовыя фермы. Онъ былъ солидаренъ вполнѣ съ «сенъ-жебунистами» до тѣхъ поръ, пока они не измѣнили окончательно своей программы. Когда онъ убѣдился, что его товарищи желаютъ вызвать возстаніе, Трудницкій, убѣжденный противникъ революціи, возъимѣлъ мысль потушить пламя, заявивъ правительству о планахъ своихъ бывшихъ товарищей. Онъ рѣшилъ дождаться суда, подтвердить и разъяснить всѣ свои показанія и лишить себя жизни, такъ какъ мысль прослыть предателемъ и измѣнникомъ сильно удручала его. Однако, Трудницкій

не выдержалъ нравственныхъ мученій и въ порывѣ отчаянія, не дождавшись суда, лишилъ себя жизни весною 1876 г. Передъ смертью онъ изложилъ письменно исторію своихъ ошибокъ и страданій.

Ларіоновъ, Польгеймъ и Горшовичъ—натуры жалкія и низменныя. По словамъ Дебогорій-Мокріевича, они попали въ «кіевскую коммуну» прямо по недоразумѣнію.

«Тамъ можно было поселиться и жить чуть-ли не всякому, — пишетъ Дебогорій-Мокріевичъ,—для этого было достаточно простое знакомство съ кѣмъ-либо изъ жившихъ тамъ. Рекомендацій ни отъ кого не требовалось. Благодаря такимъ условіямъ, въ «коммуну» проникли въ 1874 году сначала Ларіоновъ и Польгеймъ, а затѣмъ и Горшовичъ. Эти три человѣка жестоко отплатили впослѣдствіи за то гостепріимство, которое было оказано имъ въ «коммунѣ».

«Будучи арестованы, они выдали всѣхъ, кого только тамъ встрѣчали, и дали не мало показаній, компрометировавшихъ другихъ... «Коммуна» была наказана за свою неорганизованность, но, строго говоря, обвинять за то, что туда попалъ Ларіоновъ, такъ же было бы некого, какъ некого, въ частности, обвинять за тѣхъ мошенниковъ, которые существуютъ, вообще, на свѣтѣ».

Самъ Ларіоновъ такъ объяснялъ свое поступленіе въ «коммуну». Онъ жилъ въ с. Верхнемъ, Кіевской губ., куда къ нему явились Фишеръ и Дебогорій-Мокріевичъ и прямо предложили ему принять участіе въ ихъ дѣлѣ, то есть «въ сообществѣ, составившемся для борьбы за народное дѣло путемъ пропаганды въ народѣ соціально-революціонныхъ идей». Они утверждали, что ихъ общество располагаетъ большими силами и значительными денежными средствами на веденіе пропаганды.

Ларіоновъ далъ себя уговорить, отправился въ Кіевъ и поселился въ «коммунѣ», адресъ которой былъ данъ ему Дебогорій-Мокріевичемъ. Вскорѣ онъ сталъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей «коммуны»: изготовлялъ фальшивые паспорта, выдѣлывалъ печати, вербовалъ новыхъ членовъ. Въ руки властей попало нѣсколько писемъ Ларіонова, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько ревностно онъ увлекался идеями кіевскаго кружка:

«Мнѣ, одному изъ смертныхъ,—писалъ Ларіоновъ въ одномъ письмѣ,—пришлось, дѣйствительно, обрѣсти уголокъ этого рая. это полное дивнаго огня правды и честности дѣло (понимай сію аллегорію)... Извѣстные тебѣ новые люди оказались, конечно, людьми такими же, какъ и всякій смертный, хотя, впрочемъ, между ними есть бойцы, которымъ я съ удовольствіемъ пожму всегда руку. Весело кажется будущее, хотя я не ручаюсь за особенно радостный исходъ его, по крайней мѣрѣ, для насъ...

«Я не могу самъ теперь ничего написать тебѣ про извѣстное, въ настоящую минуту слившееся съ моимъ существованіемъ дѣло. Для этого нужно перечитать тебѣ все, посѣянное представителями русской заграничной вольной прессы... Въ будущемъ я не откажусь помазать тебя міромъ посвященія, конечно, если получу убѣжденіе, что ты съ теплою вѣрою послушаешь моего глагола, не яко Іуда и предатель, а какъ другъ, братъ, а, главное, человѣкъ». Сути письма не сообщать никому».

Въ другомъ письмѣ Ларіоновъ писалъ:

«Прошу васъ не скорбѣть относительно того, что я оппозиторъ начала собственности... Мы далеко не реформаторы, а только должны быть работниками. До того золотого періода намъ не дожить, а, слѣдовательно, попусту спорить съ ва-

ми было бы нелѣпо. Скажу прямо: цѣль моя—общее благо, доктрина—отрицательное начало (отрицать все зло и стремиться къ уничтоженію его), а убѣжденія—всегда, вездѣ и во всемъ быть честнымъ».

Ларіоновъ обладалъ не только высокимъ слогомъ, но и богатою фантазіею, и былъ большой прожектеръ. Онъ собирался поступить въ волостные писаря съ цѣлью завладѣть бланками паспортовъ и деньгами, составлялъ проекты ограбленія почты, думалъ отравить одного курскаго помѣщика и овладѣть его деньгами въ цѣляхъ доставленія средствъ общинѣ и т. д.

Въ «коммунѣ» Ларіоновъ познакомился съ Идаліею Польгеймъ, съ которою завязалъ романъ. Польгеймъ была, повидимому, попросту искательница приключеній. Она бѣжала изъ родительскаго дома, изъ Каменецъ-Подольска въ Кіевъ, вслѣдствіе дурного обращенія съ нею мачихи. Въ дорогѣ она познакомилась случайно съ Аксельроде, который тутъ же сообщилъ ей, что въ Кіевѣ составился кружокъ молодежи, поставившій своею задачею произвести въ Россіи переворотъ и улучшить положеніе низшаго класса населенія. Поступивъ въ «коммуну», Польгеймъ увѣряла впослѣдствіи, что она хотѣла порвать тяготившую ее связь съ Ларіоновымъ, но «коммуна» настолько высоко цѣнила дѣятельность Ларіонова, что упросила ее принести себя въ жертву обществу. Она уступила этимъ просьбамъ и отдалась Ларіонову, не любя его.

Въ другой разъ члены «коммуны»: Фростъ и Стропскій, вмѣстѣ съ Ларіоновымъ, убѣждали будто бы Польгеймъ сдѣлаться любовницею какого-то курскаго помѣщика, обобрать его, отравить и деньги доставить кружку. Впрочемъ, участіе Польгеймъ въ дѣлахъ «коммуны» выражалось въ томъ, что она: шила для Маріи Колѣнкиной

и другихъ крестьянскія рубашки, наклеивала на коленкоръ карты юго-западныхъ губерній, хранила у себя запрещенныя книги и инструменты для дѣланія печатей, которые во время бывшаго у нея обыска спрятала, а затѣмъ и сожгла, во время же разгрома «коммуны» предупреждала ея участниковъ о грозившихъ имъ опасностяхъ, доставляла имъ средства укрыться отъ преслѣдованій, о чемъ выражалась въ письмѣ отцу такимъ образомъ: «потомъ начали арестовывать, ловить, нужно было всѣмъ писать, предупреждать всѣхъ чертей, и, я говорю, это было настоящее несчастіе».

Ларіоновъ ввелъ въ «коммуну» Гориновича и посвятилъ его въ ея дѣла и цѣли. Оба они ходили «въ народъ». Въ первый разъ Гориновичъ отправился на пропаганду вмѣстѣ съ Дробышевскимъ; они дошли до мѣстечка Шполы, работали тамъ на сахарномъ заводѣ, но должны были уйти оттуда, не успѣвъ сблизиться съ кѣмъ-либо изъ рабочихъ. Вскорѣ Гориновичъ отправился вторично «въ народъ», на этотъ разъ съ Ларіоновымъ. Послѣдній взялъ съ собою цѣлую коллекцію запрещенныхъ книгъ, десятокъ англійскихъ пилокъ для распиливанія желѣза, хлороформъ и морфій. Яды Ларіоновъ захватилъ съ собою на тотъ случай, что, можетъ быть, удастся усыпить какого-нибудь состоятельнаго содержателя корчмы и обобрать его.

Гориновичъ и Ларіоновъ направились изъ Кіева черезъ м. Ружинъ въ Казатинъ, работали тамъ нѣкоторое время на станціи желѣзной дороги, послѣ чего возвратились обратно въ Кіевъ, черезъ тотъ же Ружинъ, гдѣ и попали въ руки полиціи. Гориновичъ предъявилъ при задержаніи подложный паспортъ на имя крестьянина Михалюка, но при немъ было найдено гимназическое свидѣтельство на его собственное имя, вслѣдствіе

чего онъ долженъ былъ сознаться, что его фамилія Гориновичъ. При Ларіоновѣ былъ найденъ паспортъ на имя Петра Федорова, пять картъ различныхъ губерній, морфій, хлороформъ и т. д.

Только во время слѣдствія выяснилось темное прошлое Ларіонова. Еще 23 декабря 1873 г. онъ былъ высланъ изъ Петербурга въ городъ Вельскъ, Вологодской губ., не за какія-нибудь политическія дѣла, но за неимѣніе опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни. Въ Вельскѣ онъ сошелся съ лишеннымъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сосланнымъ на житье въ Вологодскую губернію Иваномъ Терликовымъ. Они вдвоемъ рѣшили бѣжать изъ ссылки. Съ этою цѣлью они украли у крестьянки Дьяковой принадлежавшую ей лошадь съ упряжью и сани. Впрочемъ, Ларіоновъ утверждалъ, что кражу совершилъ самостоятельно Терликовъ, послѣдній же утверждалъ, что за три станціи до Вологды Ларіоновъ продалъ похищенную лошадь.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Ларіоновъ появился въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губ., гдѣ поступилъ на должность помощника волостного писаря въ Горицѣ. Получивъ по довѣренности крестьянъ 240 руб., подлежавшихъ выдачѣ имъ, онъ скрылся съ ними, послѣ чего появился въ Кіевской губ. и принялъ участье въ революціонной пропагандѣ. Онъ утверждалъ, что изъ присвоенныхъ имъ денегъ израсходовалъ въ Москвѣ 50 руб. на покупку платья, остальныя же деньги или потерялъ во время маскарада въ Большомъ театрѣ, или ихъ у него украли. За уголовныя преступленія Ларіоновъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губ.

Гориновичъ, въ виду его чистосердечнаго признанія и раскаянія, былъ освобожденъ отъ от-

вѣтственности, Идалія Польгеймъ была оправдана.

Однако, справедливость требуетъ признать, что не столько показанія «измѣнниковъ», сколько неосторожность и довѣрчивость самихъ пропагандистовъ послужили главною причиною повальнаго ареста почти всѣхъ лицъ, принимавшихъ какое бы то ни было участіе въ агитаціи. Особенно повредила имъ переписка.

Такъ, напримѣръ, разгрому «кіевской коммуны» много способствовали письма Дробышъ-Дробышевскаго. Студентъ петербургскаго университета и членъ тамошнихъ кружковъ, онъ появился въ Кіевѣ въ 1873 г., поселился въ «коммунѣ», ходилъ «въ народъ» вмѣстѣ съ Гориновичемъ. Когда начались аресты, Дробышевскій былъ отправленъ товарищами въ Борзенскій уѣздъ, въ Плиски, предупредить Трезвинскаго и Ходько объ угрожавшей имъ опасности. Онъ исполнилъ это порученіе, и вмѣстѣ съ Ходько они вдвоемъ отправились въ Кіевъ. На одной изъ первыхъ станцій они замѣтили, что жандармъ, слѣдившій за ними и сопровождавшій ихъ, сидѣлъ въ сосѣднемъ вагонѣ. Уйти отъ его преслѣдованій на какой-либо станціи не было никакой возможности, такъ какъ вездѣ жандармы, очевидно, увѣдомленные по телеграфу, ожидали ихъ и не спускали съ глазъ. Такимъ образомъ они пріѣхали въ Кіевъ. На станціи они рѣшили попытаться бѣжать, но тутъ возлѣ нихъ оказались два жандарма, одинъ изъ которыхъ прошелъ впередъ, другой слѣдовалъ за ними. Ходько рѣшился на крайнюю мѣру: онъ шепнулъ Дробышевскому: «бѣги!», а самъ загородилъ дорогу жандарму, слѣдовавшему за нимъ.

Дробышевскій побѣжалъ и старался скрыться среди вагоновъ, стоявшихъ на путяхъ. Жандармы, и въ томъ числѣ жандармъ, удержавшій

Ходько. побѣжали ловить его, чѣмъ воспользовался Ходько, спокойно вышелъ изъ вагона, прошелъ черезъ залъ перваго класа и преспокойно скрылся во мракѣ ночи, но Дробышевскій былъ задержанъ и отправленъ почему-то въ Нѣжинъ, гдѣ содержался при полиціи.

Тамъ Дробышевскій завязываетъ сношенія съ какимъ-то Смирновымъ, арестованнымъ за неимѣніе вида на жительство, разсказываетъ ему, что онъ политическій преступникъ, членъ могущественной организаціи, стремящейся сдѣлать всѣхъ равными. У нея много членовъ, и она строитъ погреба для склада оружія около Петербурга. Дробышевскій предложилъ Смирнову вступить въ общество и, когда тотъ согласился, далъ ему четыре письма слѣдующаго содержанія:

Первое, адресованное Николаю Чернышеву, гласило: «Николай Θедоровичъ! Покорнѣйше прошу васъ указать этому человѣку, гдѣ живетъ Владиміръ, Николка, Таня, Л—въ, или, вообще, кто-нибудь изъ нашихъ, чтобъ онъ могъ тамъ остановиться. Имѣйте къ нему полное довѣріе. А. Д. Маруська Л—ва непремѣнно въ Кіевѣ; если вы знаете, гдѣ она живетъ, укажите ея квартиру. Если вы знаете, гдѣ живетъ Ильяшевичъ, то спросите у него, гдѣ живутъ наши, можетъ быть, онъ знаетъ. Можетъ быть, въ Кіевѣ Катя. Во всякомъ случаѣ постарайтесь кого-нибудь отыскать. Можетъ быть, Иванъ въ Кіевѣ, укажите его».

Вторая записка была адресована Бенецкому и гласила: «Имѣйте довѣріе къ этому человѣку и укажите ему какой-нибудь адресъ въ Кіевѣ, гдѣ бы онъ могъ остановиться и поближе познакомиться съ нашими людьми и дѣломъ».

Остальныя двѣ записки были адресованы: «Степану, Владиміру, Танѣ, Николкѣ или кому-либо изъ тому подобныхъ». Имъ Дробышевскій

писалъ: «Прошу васъ достать, во что бы то ни стало, паспортъ этому человѣку и, если нужно, сколько можете денегъ».

Смирновъ обманулъ Дробышевскаго и представилъ по начальству всѣ четыре записки, полученныя отъ него, послѣдній же объяснилъ, что Владиміръ, это Дебогорій-Мокріевичъ, Степанъ —Стефановичъ, Маруська Л—ва—Идалія Польгеймъ и т. д.

Объясненія Дробышевскаго послужили, между прочимъ, поводомъ къ задержанію Бенецкаго, одного изъ самыхъ старыхъ членовъ «коммуны», поддерживавшаго ее денежными средствами и хранившаго принадлежавшія ей фальшивыя печати для паспортовъ.

Одновременно съ Дробышевскимъ былъ задержанъ и содержался въ Нѣжинскомъ полицейскомъ домѣ и его пріятель, сельскій учитель Трезвинскій, поддерживавшій постоянно сношенія и съ «кіевскою коммуною», и съ «сенъ-жебунистами».

Слѣдствіемъ было выяснено, что онъ собиралъ у себя своихъ учениковъ и, вообще, мѣстныхъ парней, внушалъ имъ, что необходимо отобрать землю у богатыхъ и перерѣзать пановъ и жидовъ. Изъ представленной однимъ изъ учениковъ Трезвинскаго тетради оказалось даже, что онъ, подъ видомъ диктовки, излагалъ ученикамъ разницу между монархіей и республикой, самодержавнымъ и конституціоннымъ правленіями. При обыскѣ у Трезвинскаго было найдено много тенденціозныхъ книгъ.

Трезвинскому и Дробышъ - Дробышевскому было впослѣдствіи засчитано въ наказаніе предварительное заключеніе, Бенецкій былъ оправданъ.

Такимъ образомъ, по указаніямъ-ли Гориновича и Ларіонова, благодаря-ли неосторожности Дробышевскаго, но къ концу 1874 г. вся «кіев-

ская коммуна» была разгромлена. Всѣ члены за исключеніемъ нѣсколькихъ самыхъ видныхъ, какъ Стефановичъ, Дебогорій-Мокріевичъ, Ходько, Каблицъ, бѣжавшихъ за границу, были арестованы.

Одновременно прекратилъ свое существованіе и черниговскій кружокъ, находившійся только въ фазисѣ организаціи, состоявшій изъ нѣсколькихъ семинаристовъ: братьевъ Илишенецкихъ, Тищенко, Карповича, дочери коллежскаго совѣтника, Соколовской, гимназиста, не окончившаго курса, Ласкаронскаго. Организаціей кружка занимались студенты: Божко-Божинскій, Левенталь, Аксельроде и Камннеръ, пріѣхавшіе изъ Кіева, доставлявшіе черниговцамъ революціонныя книги. Кружокъ существовалъ недолго, занимался чтеніемъ запрещенныхъ книгъ, обсужденіемъ прочитаннаго, разсужденіями о пропагандѣ и о томъ, какъ идти «въ народъ». Онъ прекратилъ существованіе самъ собою, послѣ того, какъ его члены разъѣхались на каникулы. Божко-Божинскій былъ все-таки арестованъ, но впослѣдствіи былъ оправданъ сенатомъ.

II.

Харьковскій и таганрогскій кружки. — Доставка заграничныхъ революціонныхъ изданій.—Нижегородскій кружокъ.—Пропаганда среди арестантовъ.—Д-ръ Кадьянъ и его друзья. — Самарскій кружокъ. — Иванчинъ-Писаревъ и пропаганда въ Ярославской губерніи.

Какъ мы уже отмѣчали въ біографіи Ковалика, первый харьковскій революціонный кружокъ основанъ имъ въ началѣ 1874 г. Почти одновременно съ нимъ появилась въ Харьковѣ московская пропагандистка Анна Андреева. Она поселилась въ собственномъ домѣ матери подъ видомъ горничной, надѣясь этимъ путемъ скрыться отъ преслѣдованій, такъ какъ она уже разыскивалась московскими жандармами. Андреева познакомилась съ учениками техническаго желѣзнодорожнаго училища: Феликсомъ Юркевичемъ и Семеномъ Корабельниковымъ, которымъ читала сказки «Кота-Мурлыки» и вела разговоры о тяжеломъ положеніи народныхъ массъ. На лѣто Андреева переѣхала въ Таганрогъ, куда былъ командированъ для практическихъ занятій Юркевичъ, къ которому, въ свою очередь, пріѣзжалъ часто Корабельниковъ.

Въ Таганрогѣ проводилъ лѣто студентъ медико-хирургической академіи Исаакъ Павловскій, его братъ Ааронъ, гимназистъ, не окончившій кур-
эти молодые люди составили кружокъ, устраива-

ли сходки, на которыхъ читалась «Исторія Интернаціонала» Бакунина и другія книги. Павловскій и Андреева ѣздили на Юзовскій заводъ, гдѣ занимались пропагандою.

Таганрогскій кружокъ, въ которомъ участвовали по преимуществу гимназисты, просуществовалъ очень недолго. Андреева, Іогансонъ и Павловскіе были арестованы и помѣщены въ Таганрогскій тюремный замокъ. Тамъ повторилась исторія, случавшаяся неоднократно съ пропагандистами 70-хъ гг. Они написали письма на волю и вручили ихъ одному арестанту, который представилъ ихъ по начальству. Между прочимъ, попала въ руки властей записка Іогансона, слѣдующаго содержанія:

«Скверно вотъ что. Въ Сувалкской губ. получены книги. Незадолго до ареста того, кто долженъ былъ ѣхать за ними, было получено письмо, какъ можно скорѣе прислать 175 руб. и получить книги. Книги тамъ были самыя новыя, какихъ въ Россіи еще нѣтъ. Жаль, если онѣ попадутъ въ руки правительства. Это главный и безопасный путь, черезъ который можно было бы всегда получать книги. Мы здѣсь получили книги багажемъ, не знаю, открыто-ли это. Кажется, нѣтъ».

Это письмо послужило для властей нитью, давшей возможность привлечь къ отвѣтственности цѣлый рядъ лицъ. Исаакъ Павловскій сознался, что въ августѣ 1877 г. онъ получилъ изъ Ковно письмо отъ своего знакомаго, студента Иваницкевича, который извѣщалъ его, что въ м. Кайданахъ находятся тюки революціонныхъ книгъ, высланныхъ имъ изъ-за границы. Такъ какъ лицо, которое должно было пріѣхать за этими книгами, арестовано, то Иваницкевичъ просилъ Павловскаго, какъ честнаго человѣка, взять эти книги и заплатить за нихъ 175 руб. Спустя нѣсколь-

ко дней Павловскій получилъ второе письмо, написанное какимъ-то контрабандистомъ съ требованіемъ или доставить ему лично, или выслать на имя Эдельштейна 175 руб. Благодаря вышеизложеннымъ указаніямъ, властямъ удалось открыть путь, по которому доставляли изъ-за границы книги Лермонтовъ и Рабиновичъ, и арестовать два большихъ транспорта изданій.

Возвращаясь къ харьковскому кружку, организованному, какъ извѣстно, Коваликомъ, нужно прежде всего отмѣтить, что этотъ кружокъ не отличался энергіею, и Коваликъ писалъ ему неоднократно письма, въ которыхъ убѣждалъ проявлять больше дѣятельности. Первоначально руководящая роль въ кружкѣ принадлежала Говорухѣ-Отроку и Крутикову, но они вскорѣ отдѣлились отъ него и не принимали участья въ его дѣлахъ. Главою кружка сдѣлался Барковъ. Онъ устраивалъ сходки, на которыхъ убѣждалъ семинаристовъ и студентовъ ветеринарнаго института идти «въ народъ», произносилъ зажигательныя рѣчи. Онъ устроилъ библіотеку, въ которой было до 50 названій революціонныхъ книгъ, и кассу, въ которой было 175 руб. денегъ. Эта сумма составилась путемъ розыгрыша въ лоттерею не запрещенныхъ и запрещенныхъ къ продажѣ книгъ. Коваликъ поддерживалъ сношенія съ Барковымъ и въ апрѣлѣ 1874 г. прислалъ ему при посредствѣ Рабиновича: 256 руб., нѣсколько бланковъ для фальшивыхъ паспортовъ и значительное количество запрещенныхъ книгъ. Кромѣ того, Рабиновичъ вручилъ ветеринару Емельянову 120 руб. съ тѣмъ, чтобы тотъ опредѣлился въ казачій полкъ, съ цѣлью способствовать доставкѣ изъ-за границы революціонныхъ книгъ и устраивать побѣги революціонеровъ. Рабиновичъ вручилъ также 30 руб. Свѣ-

сиввцеву, семинаристу, котораго Ковалик рѣшилъ почему-то поддерживать.

Лѣтомъ большинство членовъ харьковскаго кружка разъѣхалось, хотя сходки все-таки продолжались въ Карповскомъ саду. Барковъ былъ въ Екатеринославской губ., гдѣ занимался пропагандою по деревнямъ, ходилъ вмѣстѣ съ Емельяновымъ на Донъ, къ сторообрядцамъ, и вынесъ оттуда впечатлѣніе, что они года черезъ два-три взбунтуются противъ правительства.

Спѣсивцевъ поѣхалъ затѣмъ на средства кружка въ Пензу, куда Барковъ высылалъ ему деньги. По возвращеніи въ Харьковъ онъ написалъ Баркову въ Курскъ письмо съ просьбою прислать ему денегъ, на что получилъ отвѣтъ, что семинаристы—дураки, которымъ помогать не слѣдуетъ, такъ какъ они не способны быть революціонерами. Члены кружка: Коложный, Кулашко и Максимовъ отправились въ Полтавскую губернію, на хуторъ вдовы надворнаго совѣтника Колесниковой, въ Кобельскомъ уѣздѣ. Вскорѣ среди крестьянъ этого уѣзда распространились слухи про предстоящій будто бы раздѣлъ земли между крестьянами и помѣщиками. Молва указала, какъ на виновниковъ этихъ слуховъ, на студентовъ, проживавшихъ на хуторѣ Колесниковой, что и послужило началомъ разгрома харьковскаго кружка.

Изъ участниковъ послѣдняго заслуживаетъ вниманія дѣятельность студента Виктора Александровича Данилова. Онъ успѣлъ побывать за границей, гдѣ не былъ принятъ въ типографію Лаврова за то, что придерживался бакунинскихъ убѣжденій, по возвращеніи же въ Россію на средства харьковскаго кружка отправился на Кавказъ. Тамъ онъ встрѣтился съ давнишнею знакомою, Маріею Шавердовою, и они занялись пропагандою среди молоканъ и духоборовъ. Дани-

ловъ опредѣлился даже на должность сельскаго писаря въ селѣ Спасскомъ и находилъ, что: «молокане, дѣйствительно, народъ порядочный, совершенно критически относящійся къ царю и правительству, а, самое главное, безъ всякаго вида, только зарекомендовавъ себя въ ихъ пользу, можно среди нихъ жить и пропагандировать, сколько душѣ твоей угодно».

Такъ писалъ Даниловъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, попавшемъ въ руки властей и послужившемъ главнымъ основаніемъ къ уличенію его и Шавердовой. Нижеслѣдующее мѣсто выдавало его прямо головой: «Такимъ манеромъ работалъ я по цѣлымъ недѣлямъ и въ воскресенье устраивалъ чтеніе революціонныхъ, запрещенныхъ разсказовъ, хотя, нужно отдать справедливость русской соціально-революціонной партіи, книгъ подходящаго содержанія. Мы, то есть я и барынька, достали всего только двѣ книги: «Четыре брата» и «Стенька Разинъ». Народу собиралось душъ до 15—20. Послѣ каждаго чтенія поднимались разные разговоры, которые почти всегда начиналъ одинъ рыжій малый, лѣтъ 40, фразою: «Ну, какъ же мы все это устроимъ?» Подъ этимъ «все» подразумѣвалось раздѣленіе земли и изгнаніе поповъ съ чинами и царемъ. Оканчивались эти разговоры фразою кого-нибудь изъ ребятъ: «Это все такъ, да какъ его начинать? Пусть въ Россіи начнутъ, а мы ужъ поддержимъ». Сюжетами для разговора были разные вопросы по самоуправленію и о землѣ преимущественно.

Арестъ Данилова повлекъ за собою привлеченіе къ отвѣтственности Шавердовой, урожденной Маріи Александровны Никитиной, бывшей учительницы женскаго института въ Тифлисѣ. Она была сильно компрометирована показаніями начальницы института, Колюбакиной. Послѣдняя удостовѣряла, что Шавердова пользовалась са-

мою дурною репутаціею въ нравственномъ отношеніи и распространяла среди воспитанницъ института самыя превратныя понятія о бракѣ, религіи и повиновеніи начальству. Подъ вліяніемъ Шавердовой нѣсколько учениць даже уѣхало въ Цюрихъ, а потому Колюбакина, по вступленіи въ должность начальницы, первымъ дѣломъ предложила ей удалиться изъ института.

Шавердова, впрочемъ, была оправдана сенатомъ, точно такъ же, какъ и всѣ участники харьковскаго кружка, не исключая Данилова и Баркова, которые или были оправданы, или имъ было вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе.

Почти одновременно съ основными пропагандистскими кружками, возникшими въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ,—въ Нижнемъ-Новгородѣ организовалъ свой кружокъ Александръ Ивановичъ Ливановъ, бывшій студентъ технологическаго института, сынъ священника. Онъ почему-то оставилъ институтъ и поѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ хотѣлъ поступить въ ветеринарный институтъ, но не выдержалъ экзамена и возвратился въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ Горушинымъ, Сердюковымъ и Гауэнштейномъ. Подъ ихъ вліяніемъ онъ увлекся революціоннымъ направленіемъ и въ концѣ 1873 г. уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и занялся пропагандою. Подъ его вліяніемъ составился кружокъ, въ составъ котораго входили семинаристы: Граціановъ, Александровскій, Серебровскій, Духовской и крестьянинъ Николай Биткинъ. Стали устраиваться сходки, на которыхъ Ливановъ читалъ сочиненія Бакунина и собственные рефераты, въ которыхъ доказывалъ необходимость идти «въ народъ».

Квартиры Ливанова и Серебровскихъ служили пріютами, въ которыхъ находили пріютъ петербургскіе пропагандисты во время своихъ стран-

ствованій по Россіи: Аносовъ, Антовъ, Тепловъ, Нефедовъ, Усачевъ и Лукашевичъ. Всѣ они принимали участіе въ сходкахъ нижегородскаго кружка и снабжали его революціонными книгами. Собственно, кружокъ не заявилъ себя ничѣмъ особеннымъ. Главною его заслугою надо считать устройство постоянной агентуры въ селѣ Павловѣ, гдѣ Александровскій занялъ мѣсто письмоводителя складочной артели. Кромѣ Александровскаго, ходилъ также «въ народъ» Ливановъ, поступившій въ столярную мастерскую въ слободѣ Печоры. Все-таки Ливановъ былъ признанъ сенатомъ однимъ изъ болѣе серьезныхъ преступниковъ по дѣлу «193-хъ» и былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житіе въ Тобольскую губернію.

Въ Самарской губерніи существовало два центра революціонной дѣятельности, въ Николаевскѣ и Самарѣ. Въ Николаевскѣ представителемъ революціонной пропаганды былъ мѣстный земскій врачъ, Александръ Александровичъ Кадьянъ; къ нему, въ мартѣ 1874 г., прибылъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ «кіевской коммуны», Николай Константиновичъ Судзиловскій, и поступилъ, въ видѣ испытанія, фельдшеромъ при больницѣ тюремнаго замка. Спустя нѣкоторое время, по рекомендаціи Кадьяна, Судзиловскій получилъ должность участковаго земскаго фельдшера въ селѣ Пестравкѣ. Такъ какъ Кадьяну пришлось въ это время отправиться по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, то въ его отсутствіе завѣдывалъ земскою больницею Судзиловскій. Вскорѣ въ Николаевскѣ появилось новое лицо, дворянинъ Иванъ Федоровичъ Рѣчицкій-Лошновъ, оказавшійся знакомымъ и пріятелемъ Судзиловскаго. Онъ пріѣхалъ въ Николаевскъ съ намѣреніемъ пріобрѣсти участокъ земли и заняться сельскимъ

хозяйствомъ, но, такъ какъ сдѣлка по покупкѣ могла состояться не скоро, то Рѣчицкій рѣшилъ временно, въ цѣляхъ изученія экономическаго положенія уѣзда, занять должность сельскаго писаря.

Рѣчицкій поселился у Судзиловскаго, жившаго въ квартирѣ Кадьяна, который рекомендовалъ пріятеля своего друга мировому посреднику. При посредствѣ послѣдняго Рѣчицкій получилъ должность сельскаго писаря. Такъ какъ Судзиловскій вскорѣ оставилъ должность участковаго фельдшера, то и онъ, и Рѣчицкій жили у Кадьяна, гдѣ навѣщали ихъ и гостили по нѣсколько дней: Малышевъ, Ивановъ и гимназистъ Бѣлкинъ. Послѣдній оказался больнымъ, въ виду чего просилъ Кадьяна дать ему возможность прожить лѣто гдѣ-либо въ деревнѣ, что тотъ охотно исполнилъ и рекомендовалъ его помѣщицѣ Карповой, которая разрѣшила гимназисту прожить лѣто у нея на хуторѣ.

Вскорѣ арестантъ Лихачевъ, содержавшійся въ Николаевскомъ тюремномъ замкѣ, потребовалъ свиданья съ жандармскимъ полковникомъ и сообщилъ ему слѣдующее. Въ выѣздную сессію саратовскаго окружнаго суда въ г. Николаевскѣ слушалось дѣло его и Потлова. Защищали ихъ Судзиловскій и Рѣчицкій. Во время свиданія со своимъ кліентомъ Рѣчицкій сказалъ ему, что, если онъ хочетъ, то въ случаѣ обвинительнаго приговора ему можно устроить побѣгъ изъ тюрьмы. «У насъ много такихъ, какъ ты,—говорилъ Рѣчицкій,—намъ нуженъ такой народъ, готовый на все».

Рѣчицкій объяснилъ Лихачеву, что ему будетъ предоставленъ паспортъ, средства, вся же его служба будетъ заключаться въ распространеніи книгъ. Приблизительно такой же разговоръ велъ Потловъ со своимъ защитникомъ, Судзиловскимъ,

Оба арестанта были признаны судомъ виновными, причемъ Потловъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы, а Лихачевъ на поселеніе, послѣ чего оба, хотя и были совершенно здоровы, заявили себя больными. Они были отправлены въ больницу, гдѣ ихъ осмотрѣлъ Кадьянъ въ присутствіи Судзиловскаго, дѣлавшаго ему какіе-то знаки, и принялъ обоихъ въ больницу.

Лихачевъ, Потловъ и третій арестантъ, Куловъ, тоже имѣвшій желаніе бѣжать, были помѣщены въ камеру, гдѣ лежалъ одинъ больной, ничего не знавшій о предположенномъ побѣгѣ. Въ окнѣ камеры были двѣ рѣшетки: наружная, желѣзная, и внутренняя, деревянная. Послѣднюю, незадолго передъ помѣщеніемъ въ камеру арестантовъ, Кадьянъ приказалъ снять. Лихачевъ, не собираясь бѣжать, спустя нѣсколько дней выписался изъ больницы, и его мѣсто занялъ арестантъ Бездневъ, который вмѣстѣ съ Потловымъ и Куловымъ и покушался, по словамъ Лихачева, на побѣгъ изъ тюрьмы. При этомъ бѣжавшіе напоили конвойныхъ солдатъ какимъ-то одуряющимъ веществомъ, даннымъ имъ Судзиловскимъ, который также снабдилъ Потлова долотомъ.

Послѣ доноса Лихачева властями, конечно, были приняты надлежащія мѣры. Было установлено, что, дѣйствительно, въ ночь на 14 іюня арестантъ Потловъ покушался на побѣгъ, что у него было долото, что конвой былъ опоенъ какимъ-то одуряющимъ веществомъ. Все это послужило достаточнымъ основаніемъ для производства обысковъ и арестовъ въ квартирѣ Кадьяна. Тутъ было выяснено, что лица, навѣщавшія Судзиловскаго подъ вымышленными фамиліями, были: Коваликъ, Тетельманъ и Ломоносовъ. Судзиловскому удалось бѣжать, но Рѣчицкій-Лош-

новъ былъ арестованъ и по дорогѣ въ Самару застрѣлился.

Противъ Кадьяна былъ собранъ рядъ тяжелыхъ уликъ. Онъ обвинялся въ томъ, что его квартира служила притономъ для странствующихъ пропагандистовъ, что они получали при его посредствѣ письма, что при его содѣйствіи многія пропагандистки должны были получить должности земскихъ акушерокъ. Кромѣ того, у него былъ найденъ одинъ нумеръ и два экземпляра программы журнала «Впередъ», было выяснено, что онъ ѣздилъ за границу и провелъ нѣсколько дней въ Цюрихѣ. Сенатъ, все-таки, призналъ всѣ эти улики недостаточными, и Кадьянъ былъ оправданъ.

Вторымъ центромъ революціонной дѣятельности въ Самарской губ. былъ, какъ упомянуто выше, городъ Самара. Тамъ съ 1873 г. существовалъ кружокъ, основанный Городецкимъ и Чернышевымъ, не прекратившій своихъ занятій послѣ переѣзда послѣднихъ въ Петербургъ. Въ составъ кружка входили: воспитанница самарской гимназіи, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Городецкаго, Боголюбова, писецъ уѣздной земской управы Бѣляковъ, писецъ губернской земской управы Дегтеревъ, крестьянинъ Бодяжинъ, лакей помѣщика Бородина, Александровъ, гимназистъ Лазаревъ, Осиповъ, Филадельфовъ и другіе.

Сначала, по инициативѣ Осипова, объявившаго, что всѣ члены кружка — «дрянь, никуда негодные люди», было рѣшено заняться нравственнымъ развитіемъ путемъ чтенія и составленія рефератовъ. Занятія науками въ гимназіи были признаны безполезными. На собраніяхъ кружка читались сочиненія Оуена и Лассаля, а Осиповъ взялъ себѣ для разбора книгу Чернышевскаго: «Что дѣлать?», заранѣе увѣривъ всѣхъ, что онъ напишетъ такой разборъ, который и черезъ сот-

ню лѣтъ будетъ современнымъ. Однако, у него ничего не вышло, и, исписавъ нѣсколько листовъ бумаги, Осиповъ объявилъ, что онъ придумалъ новый планъ дѣйствій, «строго научную подготовку», и предложилъ заниматься... анатоміей. И на этотъ разъ его предложеніе было принято. Кружокъ занимался анатоміей, затѣмъ химіей и физикой, но въ февралѣ 1874 г. Осипову бывшіе товарищи прислали изъ Петербурга сочиненія Бакунина. Съ того момента кружокъ окончательно уклонился отъ своей первоначальной программы, и его направленіе приняло революціонный характеръ.

Вскорѣ въ Самару прибыли: Городецкій, успѣвшій побывать въ Смоленской губ., гдѣ работалъ въ кузницѣ, Чернышевъ, Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая вскорѣ замужъ за Осипова, Никитинъ и Курдюмовъ. Съ пріѣздомъ петербургскихъ товарищей дѣятельность кружка оживилась, и для окончательной выработки программы дѣйствій былъ устроенъ цѣлый рядъ сходокъ, на которыхъ было рѣшено сблизиться съ народомъ и внушить ему, что земля не должна быть ни помѣщичьею, ни государственною, а общинною. Общество объявило своимъ девизомъ: «свобода, равенство и братство».

На одной сходкѣ разсуждали о томъ, что необходимо сдѣлать вспышку и взбунтовать народъ. При этомъ Осиповъ, снявъ со стѣны карточку какого-то жандармскаго офицера, изрубилъ ее топоромъ, приговаривая, что всѣхъ жандармовъ надо уничтожать точно такимъ же образомъ.

Съ наступленіемъ лѣта самарскій кружокъ ушелъ «въ народъ». Осиповъ отправился въ Ставрополь, Казань, путешествовалъ по Вятской губ. и былъ задержанъ въ Петербургѣ. Его жена отправилась въ Вятскую губ. и была задержана 30-го августа 1874 г. въ с. Ивановкѣ, въ квар-

тирѣ сельской учительницы, Клавдіи Кувшинской. Клеопатра Осипова обнаруживала признаки разстройства умственныхъ способностей. Левъ и Вѣра Городецкіе, Никитинъ, Александровъ и почти всѣ члены самарскаго кружка пошли «въ народъ» и занимались пропагандою, пока не были переарестованы. Сенатомъ имъ было вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе.

Въ Ярославской губ. съ 1873 г. велъ весьма энергичную пропаганду среди крестьянъ помѣщикъ Даниловскаго уѣзда, Александръ Ивановичъ Иванчинъ-Писаревъ. Онъ устроилъ въ с. Потаповѣ столярную мастерскую, въ которой училъ рабочихъ пѣть революціонныя пѣсни и доказывалъ необходимость возстанія противъ правительства. Онъ занимался также чтеніемъ и распространеніемъ революціонныхъ книгъ и устраивалъ народныя гулянія, на которыхъ пѣлись пѣсни революціоннаго содержанія. Дѣятельными сотрудниками Иванчина-Писарева были проживавшіе въ с. Вятскомъ: земскій врачъ Иванъ Ивановичъ Добровольскій и земская акушерка, бывшая цюрихская студентка, Марія Платоновна Потоцкая, жившая въ одной квартирѣ съ Добровольскимъ.

Лѣтомъ 1874 г. къ Иванчину-Писареву пріѣзжали и принимали дѣятельное участіе въ пропагандѣ: Клеменсъ, Львовъ, Саблинъ, Морозовъ и Алексѣева. Саблинъ старался получить мѣсто фельдшера въ Боровской волости, а Морозовъ поступилъ въ кузницу въ дер. Коптевѣ для изученія кузнечнаго ремесла. Какъ только дѣятельность Иванчина-Писарева сдѣлалась извѣстною правительству, онъ сейчасъ же бѣжалъ за границу. Добровольскій и Потоцкая были арестованы, во время же обыска въ селѣ Потаповѣ, въ нежиломъ домѣ были найдены спрятанными за карнизомъ подъ крышею въ большомъ количествѣ ре-

волюціонныя книги. Морозовъ и Саблинъ тоже уѣхали за границу и были арестованы только 12-го марта 1876 г. въ пограничномъ селеніи Кибартахъ, на обратномъ пути въ Россію. У Морозова оказалось прусское легитимаціонное свидѣтельство на имя Карла Энгеля, а у Саблина—на имя Фридриха Вейсмана. Пострадалъ сильнѣе всѣхъ Добровольскій, лишенный всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сосланный на житье въ Тобольскую губернію. Саблину и Морозову было вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе, Потоцкая была оправдана.

Кромѣ того, въ Ярославской губерніи велась революціонная пропаганда въ Рыбинскомъ уѣздѣ, гдѣ занимались этимъ дѣломъ: Дмитрій Бородулинъ, Павелъ Троицкій и Марія Гейшторъ, которыхъ навѣщала Софія Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. Троицкій и Марія Гейшторъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, поселились въ д. Коприне, гдѣ распространяли среди крестьянъ революціонныя книги.

Этимъ мы закончимъ обзоръ дѣятельности пропагандистовъ 1873—1874 гг., умѣвшихъ покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ большую половину Россіи. Дознаніемъ была раскрыта пропаганда въ 35 губерніяхъ: Петербургской, Московской, Тверской, Ярославской, Новгородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Казанской, Оренбургской, Уфимской, Нижегородской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Херсонской, Кіевской, Черниговской, Подольской, Орловской, Смоленской, Калужской, Тульской, Архангельской, Костромской, Владимірской, Вятской, Пермской, Томской, Могилевской, Тифлисской и землѣ Войска Донского.

III.

Цюрихская колонія.—Швейцарскій революціонный кружокъ. — Пропагандисты, уцѣлѣвшіе послѣ погрома. — Петръ Алексѣевъ.—Здановичъ, Джабадари. Чекоидзе.— Соединеніе московскаго кружка съ швейцарскимъ.

Кружокъ, къ которому перешла главная роль въ исторіи революціоннаго движенія, послѣ разгрома пропагандистовъ 1873—74 гг. организовался, собственно, въ Цюрихѣ, въ Швейцаріи. Какъ извѣстно, въ 1872 и 1873 гг. въ Цюрихѣ образовалась весьма многочисленная колонія русской учащейся молодежи. Студентки: Бородина, Фигнеръ, двѣ Любатовичъ, три Субботины, Александрова, Каминская и друг. образовали особую, тѣсно сплоченную группу. Вѣра Фигнеръ такъ писала впослѣдствіи объ этой эпохѣ: «Кажется, я не неглижировала своимъ образованіемъ: въ Цюрихѣ была даже членомъ особеннаго ферейна изъ однѣхъ женщинъ, русскихъ студентокъ, цѣлью которыхъ было научиться логически говорить. Мужчины не допускались, какъ конкурренты, которые своимъ краснорѣчіемъ и вѣками накопленной логикой могли препятствовать нашимъ упражненіямъ. И мы упражнялись добросовѣстно: читали рефераты о самоубійствѣ и «Стенькѣ Разинѣ», о Кобэ и Сенъ-Симонѣ; спорили до хрипоты о теоріи ренты Рикардо, о законѣ народонаселенія Мальтуса и распустили ферейнъ, дойдя до вопроса о томъ, должно-ли при

соціальномъ переустройствѣ разрушить цивилизацію, или можно отнестись къ ней снисходительно и сохранить ее для обновленнаго человѣчества. Этотъ вопросъ такъ глубоко затронулъ страсти, что мы точно бѣлены объѣлись, спорили, спорили, никакъ не могли перекричать другъ друга, раздѣлились на партіи, объявили, что примиреніе невозможно, и послѣ этого уже не собирались вмѣстѣ».

Мало-по-малу вышеперечисленныя студентки составили кружокъ, соединенный тѣсною дружбою. Онѣ приняли бакунинскую программу и разрабатывали ее во время интимныхъ бесѣдъ и экскурсій по Швейцаріи.

Въ концѣ 1873 года цюрихская колонія прочла въ русскихъ газетахъ объявленіе о томъ, что правительство требуетъ, чтобы студентки оставили Цюрихъ. Оказавшимся непослушными грозило запрещеніе держать въ Россіи экзаменъ на доктора и получать дозволеніе заниматься тамъ медицинскою практикою. Лавровъ немедленно созвалъ собраніе русской колоніи и постарался въ своей рѣчи уяснить положеніе дѣлъ, побудить слушательницъ обдумать послѣдствія того или другого своего рѣшенія и принять это рѣшеніе съ полнымъ сознаніемъ возможныхъ результатовъ. Кн. Александръ Кропоткинъ обратился къ студенткамъ съ убѣдительною просьбою дѣйствовать сейчасъ же. Часть цюрихскихъ студентокъ рѣшила вернуться въ Россію и, оставивъ мысль о дипломахъ, нести въ русскій народъ «благую вѣсть» соціализма; другая разъѣхалась по различнымъ университетамъ. Такъ какъ присутствіе русскихъ женщинъ въ мужскихъ аудиторіяхъ не было уже для Европы новостью, то Бернъ, Базель, Женева, Парижъ открыли передъ ними двери своихъ университетовъ.

Итакъ, въ Россію направилось 12—15 моло-

дыхъ дѣвушекъ. Ихъ сближали не только жизненныя убѣжденія, но и горячія личныя симпатіи. Все это были самыя пламенныя прозелитки соціализма, но это не были люди, способные удовлетворяться одними теоріями. Самыя теоріи интересовали ихъ только, какъ отвѣтъ на мучившіе вопросы жизни Поэтому наряду съ теоретическими занятіями, шли планы практическаго примѣненія революціоннаго соціализма въ Россіи.

Руководящую роль въ кружкѣ играла Бардина. Она казалась гораздо старше, серьезнѣе своихъ лѣтъ среди молодыхъ дѣвушекъ, относившихся къ ней поэтому съ оттѣнкомъ почтительности. Ея трезвый, насмѣшливый умъ не выносилъ никакой сентиментальности. Съ двумя подругами, Лидіей Фигнеръ и Бети Каминской, она сошлась ближе.

«Характеренъ этотъ выборъ, — пишетъ біографъ Бардиной.—Какъ Бети, страстная, порывистая южанка, напоминающая своей экзальтаціей средневѣковыхъ пророчицъ, такъ и Лидія, натура тихая, ровная, терпимая—обѣ онѣ были самымъ чистымъ воплощеніемъ того типа идеальныхъ, безгранично любящихъ и самоотверженныхъ женщинъ, который такъ часто вдохновляетъ собою поэтовъ и романистовъ. Казалось, трудно было подыскать контрасты болѣе полные, чѣмъ между Бардиной и ея пріятельницами». Къ моменту пріѣзда въ Москву Бардиной и другихъ цирюхскихъ студентокъ разгромъ кружковъ пропагандистовъ былъ уже законченъ. Въ это время, по словамъ оффиціальной записки министра юстиціи, графа Палена, по обвиненію въ пропагандѣ было привлечено къ отвѣтственности 770 человѣкъ, въ томъ числѣ: 612 мужчинъ и 158 женщинъ. Изъ нихъ находились подъ стражею 265 чел., на свободѣ съ принятіемъ противъ нихъ

другихъ мѣръ пересѣченія, уклоненія отъ суда 452, неразысканныхъ—53. Казалось, столь основательныя репрессіи должны были отбить тогдашней молодежи охоту заниматься рекогносцировками и пропагандою, но ничего подобнаго не случилось. Преслѣдованія—преслѣдованіями, аресты—арестами, а молодежь продолжала дѣлать свое дѣло, къ которому считала себя привязанною. Какъ разсказываетъ А. Лукашевичъ, къ концу 1874 г. въ Москвѣ собралось нѣсколько пропагандистовъ, уцѣлѣвшихъ какимъ-то образомъ: онъ, Грачевскій, Союзовъ и рабочій Василій.

Они часто толковали о необходимости болѣе систематической дѣятельности среди рабочаго народа, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, и о необходимости новой организаціи, которая замѣнила бы старые разгромленные кружки. Вскорѣ пріѣхали въ Москву изъ Петербурга новыя лица: Петръ Алексѣевъ, смоленскій крестьянинъ-фабричный и грузины: Георгій Феликсовичъ Здановичъ, Иванъ Спиридоновичъ Джабадари и Михаилъ Николаевичъ Чеконзе.

Замѣчательный типъ представлялъ собою Петръ Алексѣевъ. Какъ разсказываетъ Синегубъ, однажды, къ нему на квартиру, въ Петербургѣ, явились трое неизвѣстныхъ ему ткачей съ суконной фабрики Торнтона. Они сказали, — что слышали про то, что Синегубъ обучаетъ рабочихъ даромъ, а потому просятъ обучать и ихъ, хотя они умѣютъ уже читать и даже писать, правда, не очень бойко, но хотѣли бы еще поучиться наукѣ: «еографіи» и «еометріи». Это были: Петръ Алексѣевъ, Иванъ Смирновъ и Александровъ.

Синегубъ сталъ заниматься съ ними, но черезъ три дня убѣдился, что у него не хватитъ времени для занятій съ этими рабочими, а потому передалъ своихъ новыхъ учениковъ Софьѣ Перовской, которая спеціально переселилась за Невскую за-

ставу и стала заниматься съ Петромъ Алексѣевымъ и его товарищами, но ученіе продолжалось не долго. Перовская была арестована 25 ноября 1873 г. и, хотя и была освобождена спустя нѣсколько мѣсяцевъ, но была отправлена отцомъ, взявшимъ ее на поруки, въ Крымъ. Конечно, она не могла болѣе заниматься со своими учениками, и «образованіе» Алексѣева такъ и осталось неоконченнымъ.

Волховской пишетъ объ Алексѣевѣ:

«Не выше средняго роста, если не ниже, онъ поражалъ шириною туловища, какъ въ плечахъ, такъ и отъ груди къ спинѣ. Массивныя же руки и ноги казались вылитыми изъ чугуна. На этомъ богатырскомъ тѣлѣ покоилась крупная голова съ крупными же, глубоко вырубленными чертами смуглаго лица, съ шапкой густыхъ, черныхъ, какъ смоль, волнистыхъ волосъ и такими же, нѣсколько курчавыми усами и бородой. Но всего лучше были глаза—ясные и пламенные: неукротимая энергія свѣтилась въ нихъ, смѣшанная съ добротой сильнаго человѣка. По внѣшнему облику лицо Петра легко было принять за лицо цыгана, если бы не его выраженіе—открытое, прямое и добродушное, чисто-великорусское».

Алексѣевъ родился въ Смоленской губ., въ деревнѣ Новинской, въ 1848 г., въ бѣдной крестьянской семьѣ. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, представлявшимъ въ семьѣ «лишній ротъ», онъ оставилъ родное село и пошелъ искать хлѣба на фабрикѣ. Съ дѣтства онъ обнаруживалъ жажду знанія и самъ, безъ помощи учителя, научился читать и писать.

Встрѣча съ пропагандистами сыграла роковую роль въ его жизни. Они обсуждали съ нимъ различные вопросы, надъ которыми ему приходилось призадумываться раньше и самому, снабжали его книгами, разъясняли ему многое, и Петръ

Алексѣевъ превратился самъ въ ярато пропагандиста.

Какъ свидѣтельствуетъ Волховской, онъ поступалъ на извѣстную фабрику и, когда убѣждался, что колесо пропаганды пошло въ ходъ, переходилъ на другую. Подчасъ ему приходилось скрываться; когда его книги попадались, и ему угрожалъ арестъ, то онъ долго умѣлъ избѣгать послѣдняго.

Георгій Феликсовичъ Здановичъ, уроженецъ Кутаисской губерніи, сынъ штабсъ-капитана, считается почему-то грузиномъ, хотя фамилія и отчество указываютъ скорѣе на польское или украинское происхожденіе. Онъ родился въ 1855 г., учился въ московскомъ университетѣ но курса не окончилъ. Въ 1871 г. онъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ велъ компанію съ нѣкоторыми «чайковцами» и въ томъ числѣ съ Кравчинскимъ. По словамъ «благонамѣренныхъ» товарищей, это былъ молодой человѣкъ, отличавшійся фразерствомъ, либеральностью взглядовъ и открыто заявлявшій себя противникомъ русскаго правительства. Товарищи и знакомые звали Здановича «рыжимъ», и онъ нисколько не обижался на эту кличку и даже самъ часто подписывалъ свои письма «Георгій Рыжій».

Дворяне Тифлисской губерніи: Иванъ Спиридоновичъ Джабадаевъ, 22-хъ лѣтъ, и Михаилъ Чекоидзе, 24-хъ лѣтъ, были издавна въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Здановичемъ, съ которымъ часто видѣлись въ бытность его въ Петербургѣ. Въ 1874 г. они были въ Парижѣ, откуда переписывались съ Здановичемъ. Всѣ вышеперечисленныя лица сблизились въ Москвѣ. Какъ говоритъ Лукашевичъ, они всѣ держались болѣе или менѣе однородной программы дѣятельности, въ виду чего стали устраивать собранія для выработки условій, на которыхъ они могли бы тѣснѣе съорга-

низоваться для совмѣстной работы. Первое такое собраніе происходило гдѣ-то въ Замоскворѣчіи. Что, именно, говорилось тамъ, Лукашевичъ не можетъ припомнить, но говоритъ, что до сихъ поръ не забылъ овладѣвшаго всѣми бодраго, приподнятаго и, быть можетъ, слишкомъ даже приподнятаго настроенія.

На этомъ первомъ и на слѣдующихъ собраніяхъ новаго кружка были приняты важныя рѣшенія. Пропагандисты столковались относительно основныхъ принциповъ и признали необходимымъ приступить немедленно къ систематической агитаціи и пропагандѣ среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ. Имѣлось въ виду, какъ только эта организація окрѣпнетъ нѣсколько въ Москвѣ, начать развѣтвлять ее, выдѣляя въ другія мѣстности группы, связанныя федеративно съ московскимъ кружкомъ.

Это происходило въ концѣ лѣта 1874 г. Вскорѣ пропагандисты узнали, что въ Москвѣ образовался еще одинъ кружокъ, стремившійся къ той же цѣли, въ составъ котораго входили исключительно студентки, возвратившіяся изъ Швейцаріи: Варвара Александрова, Софья Бардина, Бети Каминская, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Евгенія, Марія и Надежда Субботины, Анна Топоркова, Лидія Фигнеръ, Александра Хоржевская, Вѣра Шутилова и др., рѣшившія пойти «въ народъ», работать на фабрикахъ и заниматься соціально-революціонною пропагандою. Джабадари и Чекоидзе познакомились со швейцарскими студентками еще въ Швейцаріи, въ бытность свою за границей, и, при ихъ посредствѣ, завязались первыя сношенія между московскимъ кружкомъ и студентками. Было предположено объединиться; въ виду чего, для выработки условій, на какихъ оба кружка могли бы составить одну общую «дѣловую организацію», была избрана особая комис-

сія. Ея членами состояли со стороны московскаго кружка: Лукашевичъ, Джабадари и Чекоидзе, со стороны бывшихъ швейцарскихъ студентокъ: Вѣра Любатовичъ и Бети Каминская.

Здановичъ не принималъ участія въ занятіяхъ комиссіи, такъ какъ его въ то время не было въ Москвѣ. Онъ былъ командированъ кружкомъ за границу—устроить путь для контрабанднаго ввоза въ Россію нелегальныхъ изданій. Грачевскій къ этому времени былъ уже арестованъ въ качествѣ обвиняемаго въ соучастіи съ лицами, привлеченными къ отвѣтственности по дѣлу «193-хъ».

Комиссія собиралась нѣсколько разъ. Изъ-за нѣкоторыхъ статей соглашенія происходили очень оживленныя пренія, такъ какъ по многимъ вопросамъ предстоящей практики взгляды «москвичей» и «швейцарскихъ студентокъ» не совпадали. Большое оживленіе въ занятіи комиссіи вносила горячность Вѣры Любатовичъ, называемой «волченкомъ», и Джабадари; было не мало и комическихъ сценъ въ этихъ схваткахъ, но, въ концѣ-концовъ, комиссія нашла возможнымъ изложить въ письменной формѣ проектъ соглашенія двухъ кружковъ и довела до конца возложенную на нее задачу.

Тогда въ Сыромятникахъ, въ домѣ Комарова, было устроено общее собраніе, на которомъ пунктъ за пунктомъ былъ разсмотрѣнъ, исправленъ и принятъ, наконецъ, послѣ ожесточенныхъ споровъ, проектъ соглашенія двухъ кружковъ. Результатомъ этого соглашенія или, точнѣе, компромисса и явилось,—по словамъ Лукашевича,—нѣчто въ родѣ писаннаго устава, которымъ, въ отличіе отъ остальныхъ кружковъ семидесятыхъ годовъ, не имѣвшихъ никакихъ уставовъ, руководствовался московскій кружокъ 1874—75 гг. Первоначально всѣ участники совѣщанія выска-

зывались горячо противъ составленія подобнаго документа, сознавая, что его арестъ произвелъ бы провалъ всего дѣла, но тѣмъ не менѣе писанный уставъ былъ принятъ. Въ видахъ безопасности было рѣшено переписать его мельчайшимъ почеркомъ на очень тонкой бумагѣ съ тѣмъ, чтобы хранителю устава во время обыска было легко проглотить его. Но эти мѣры предосторожности не были соблюдены, и уставъ со временемъ попалъ въ руки властей.

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ «чайковцевъ» и прочихъ кружковъ начала 70 гг., московско-швейцарская община не только не боялась устава, но выработала, первымъ дѣломъ, уставъ, подробно регламентировавшій дѣйствія кружковъ и отдѣльныхъ членовъ, опредѣляющій ихъ права и обязанности.

Главная особенность регламента, это—установленіе имъ центральнаго органа организаціи, призваннаго объединить отдѣльные кружки и въ извѣстной мѣрѣ руководить ихъ дѣятельностью, хотя составители устава ни за что не хотѣли сказать этого прямо, боясь, какъ бы это не стало противорѣчить основному принципу организаціи: полному равенству членовъ. Не менѣе обращаетъ на себя вниманіе подчиненіе членовъ организаціи и устраненіе возможности съ ихъ стороны такихъ дѣйствій и предпріятій, о которыхъ организація, какъ цѣлое, не имѣла бы никакого понятія.

Повидимому, опытъ кружковъ 1870 гг. первой очереди заставилъ пропагандистовъ прійти къ заключенію, что въ единеніи—сила, единеніе же немыслимо безъ извѣстной дисциплины, центральнаго органа, программы. Во всякомъ случаѣ, уставъ московской организаціи высоко интересенъ, какъ, по выраженію Лукашевича, па-

мятникъ кристаллизованной революціонной мысли, вырабатывавшийся коллективно въ головахъ наиболѣе крайнихъ, но и наиболѣе альтруистически настроенныхъ представителей молодежи тогдашней «переходной» эпохи—мужчинъ и женщинъ.

IV.

Пропаганда среди рабочихъ.—Разгромъ московской общины. — Дѣятельность Бардиной, Бети Каминской и Ольги Любатовичъ. — Иваново-вознесенская община.— Изъ переписки между организаціей и провинціальнымъ отдѣломъ.—Пропаганда среди иваново-вознесенскихъ рабочихъ.

По свидѣтельству Лукашевича, еще до выработки устава «всероссійской организаціи», члены московскаго и швейцарскаго кружковъ принялись за дѣятельную пропаганду среди фабричныхъ рабочихъ. Петръ Алексѣевъ завербовалъ своего стараго пріятеля, Николая Васильева, извѣстнаго на многихъ фабрикахъ, и самъ поступилъ на фабрику Тимашева. Ольга Любатовичъ и Бети Каминская опредѣлились работницами на фабрику Носовыхъ, Бардина—на фабрику Лазарева, Лидія Фигнеръ—на фабрику Гюбнера, Лукашевичъ на котельный заводъ Дангауэра, въ «Нѣмецкой слободѣ».

Николай Васильевъ скоро выказалъ себя чрезвычайно энергичнымъ, неутомимымъ агитаторомъ и, какъ утверждаетъ Лукашевичъ, имѣлъ громадный успѣхъ между фабричными. Этотъ пропагандистъ былъ неграмотенъ, но умѣлъ различать книжки по внѣшнему виду и одному ему извѣстнымъ примѣтамъ. Отправляясь на пропаганду въ ту или другую артель, онъ всегда зналъ, какими книгами ему слѣдовало въ дан-

номъ случаѣ запастись, и требовать изъ склада, именно, ихъ. Онъ роздалъ массу книжекъ. Выдачей книжекъ и бесѣдами съ рабочими въ трактирѣ, по близости фабрикъ, занимались также: Джабадари, Чекоидзе, Грачевскій, пока не былъ арестованъ, и Василій.

Въ свою очередь, рабочіе, завербованные Алексѣевымъ и Васильевымъ, раздавали книжки своимъ знакомымъ, а тѣ опять своимъ. Если сами пропагандисты читали книжки въ слухъ, безъ всякаго подбора людей, то завербованные ими дѣйствовали уже безъ всякихъ предосторожностей. Результаты такого образа дѣйствій не замедлили сказаться: книжки попадали очень часто въ руки различныхъ механиковъ и мастеровъ, которые немедленно передавали ихъ въ полицію. Начались обыски, аресты.

Московская организація была разгромлена уже въ началѣ апрѣля 1875 года. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Ревностный пропагандистъ изъ рабочихъ, Николай Васильевъ, занимаясь распространеніемъ революціонныхъ книгъ среди рабочихъ ткацкой фабрики Шабаева, далъ прочитать «Емельку Пугачёва» нѣкоему Якову Яковлеву. Тотъ, ознакомившись съ содержаніемъ книги, счелъ нужнымъ снести ее въ жандармское управленіе; на свиданіе же съ Васильевымъ, назначенное ему въ одномъ изъ трактировъ, онъ явился въ сопровожденіи полиціи. Васильевъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ его товарищемъ, помогавшимъ ему распространять книги рабочимъ, Іваномъ Бариновымъ.

Послѣдній сейчасъ же выдалъ головою своего пріятеля. Онъ объяснилъ, что знакомъ съ Васильевымъ давно, а этотъ, въ свою очередь, познакомилъ его съ Петромъ Алексѣевымъ, послѣ чего они оба убѣдили его пристать къ ихъ революціонному кружку, имѣвшему цѣлью уничто-

жить правительство, дворянъ и произвести всеобщую рѣзню. Прочитавъ нѣсколько книгъ, данныхъ ему Васильевымъ, Бариновъ, будто бы убѣдившись въ преступности ихъ содержанія, хотѣлъ отстать отъ кружка, но Васильевъ и Алексѣевъ сказали ему, что теперь уже поздно, что онъ долженъ имъ повиноваться, такъ какъ иначе можетъ погибнуть, и Бариновъ волей-неволей долженъ былъ распространять книги преступнаго содержанія.

Спустя нѣсколько дней послѣ задержанія Васильева, упорно отрицавшаго какое бы то ни было знакомство съ революціонерами и пропагандою, въ жандармское управленіе явилась его сожительница, Дарья Скворцова, и объявила, что она желаетъ указать всѣхъ лицъ, которыя его погубили.

Въ ночь на 4-е апрѣля жандармы, по указанію Скворцовой, окружили домъ Корсакъ, гдѣ помѣщалась администрація организаціи. «У всѣхъ, у насъ,—пишетъ Лукашевичъ,—было не только предчувствіе, но была почти полная увѣренность въ томъ, что квартира подвергается сильной опасности. И, тѣмъ не менѣе, мы собрались тамъ въ большомъ числѣ и не спѣшили расходиться. Это нашъ общій великій грѣхъ».

Въ домѣ Корсакъ было арестовано сразу девять человѣкъ и въ томъ числѣ семь членовъ организаціи: Бардина, Каминская, Алексѣевъ, Джабадари, Чекаидзе, Георгіевскій и Лукашевичъ. Кромѣ того, были задержаны тамъ рабочіе: Семенъ Агаповъ и Пафнутій Николаевъ. Изъ нихъ Агаповъ сейчасъ же покаялся и началъ выдавать. Онъ сообщилъ, что жилъ на одной квартирѣ со слесаремъ, Петромъ Степановымъ, подъ каковой фамиліей жилъ Лукашевичъ, и указалъ на чердакѣ дома, въ которомъ они жили, мѣсто,

гдѣ его товарищъ пряталъ свои книги. На чердакѣ былъ произведенъ обыскъ, и тамъ было найдено десять экземпляровъ революціонныхъ книгъ. Слесарь Степановъ оказался никѣмъ другимъ, какъ Лукашевичемъ, проживавшимъ по подложному виду. Вообще, у всѣхъ арестованныхъ оказались подложные виды, и всѣ они называли себя вымышленными именами; полиціи все-таки, въ концѣ-концовъ, удалось привести въ извѣстность настоящія фамиліи задержанныхъ.

Удалось выяснить также подробности дѣятельности каждаго изъ членовъ общины. Софія Бардина поступила работницей на фабрику Лазаревыхъ. Какъ показалъ мастеръ, Иванъ Юрсъ, туда пришли однажды двѣ дѣвушки и просили работы. Ихъ приняли. На другой день пришла только одна, Аннушка, и принесла паспортъ. Ее опредѣлили въ отдѣлочное отдѣленіе, и она работала, какъ слѣдуетъ, мирно, тихо. Потомъ ее перевели въ другое отдѣленіе, полегче. Разъ ночью, въ мужской спальнѣ, она стала книжку читать. Пришелъ приказчикъ и говоритъ: «Зачѣмъ ты, Аннушка, здѣсь? Мужикамъ нужно вставать въ 4 часа утра; имъ нужно отдохнуть». Прогналъ ее. На другой день Аннушка пожаловалась хозяину, что приказчикъ дерется. Хозяинъ сказалъ, что не позволитъ драться. Приказчикъ Петровъ объяснилъ, въ свою очередь, что онъ не дрался съ Аннушкой, но, замѣтивъ ее читающей книжку въ спальнѣ рабочихъ, приказалъ ей уйти. Такъ какъ она не слушалась, то онъ «вынужденъ былъ» взять ее за руку и вывести. Послѣ этой исторіи Бардина сказала, что не хочетъ больше оставаться на фабрикѣ и попросила расчета. Всего она оставалась на фабрикѣ Лазаревыхъ около пяти недѣль. Спустя недѣлю мастеръ Юрсъ замѣтилъ въ своемъ отдѣленіи толпу рабочихъ, которая, при его приближ-

женіи, разошлась. Юрсъ спросилъ, что у нихъ такое, но рабочіе отвѣтили, что ничего. Онъ ушелъ изъ мастерской, но сталъ за дверь въ темномъ корридорѣ, послѣ чего опять быстро вошелъ въ отдѣленіе. На этотъ разъ онъ увидѣлъ, что одинъ рабочій держитъ въ рукахъ какую-то книгу и читаетъ ее двѣнадцати рабочимъ, окружившимъ его. . . . . . .

Юрсъ отобралъ у рабочаго книгу, оказавшуюся «Хитрою механикою», и, не умѣя читать самъ, приказалъ одному рабочему читать ее. Отойдя къ окну, мужикъ сталъ читать. «Я думалъ сначала,—разсказывалъ мастеръ,—что онъ меня дурачитъ. Поэтому я перевернулъ нѣсколько листовъ и опять заставилъ читать. Вижу, что опять нехорошо. Перевернулъ еще нѣсколько листовъ, и мужикъ еще прочелъ».

Убѣдившись, что рабочій не сочиняетъ, а читаетъ, что напечатано, мастеръ рѣшилъ, что «эта книга нехорошая, она бунтъ учиняетъ», и доложилъ обо всемъ молодому Лазареву, но тотъ сталъ смѣяться и говорить, что рабочій, должно быть, дурачитъ его. Когда на фабрику пріѣхалъ самъ хозяинъ, старый Лазаревъ, и сынъ сообщилъ ему о происшествіи, онъ приказалъ принести себѣ книгу, но ея уже не оказалось: ее кто-то укралъ. Давали три рубля за доставку этой книги, но и это не помогло. Лазаревъ сообщилъ о случившемся въ жандармское управленіе, которое въ свое время и воспользовалось этимъ заявленіемъ.

Приблизительно въ томъ же обвинялась и Бети Каминская. 5-го февраля 1875 года на фабрику Носовыхъ явились двѣ дѣвушки и попросили работы. Посмотрѣвъ на нихъ, управляющій Мухановъ рѣшилъ, что онѣ къ работѣ не способны, и отказалъ имъ, но дѣвушки убѣдительно настаивали и просили дать имъ работу.

утверждая, что онѣ въ Москвѣ чужія и дѣться имъ некуда. Управляющій смягчился и принялъ ихъ на фабрику, предупредивъ, что работа тяжелая, грязная. По паспортамъ дѣвушки оказались: одна солдаткой Тамбовской губерніи, Маріей Красновой, другая—крестьянкой Костромской губерніи, Наталіей Волковой.

Спустя нѣсколько недѣль Волкова, уйдя съ фабрики въ воскресенье, возвратилась на работу только во вторникъ, что представляло серьезное нарушеніе фабричныхъ правилъ, въ виду чего управляющій, только ждавшій случая придраться къ новымъ работницамъ, разсчиталъ ее. Спустя нѣсколько недѣль и вторая работница явилась на работу не во-время, вслѣдствіе чего была разсчитана, проработавъ на фабрикѣ мѣсяцъ и десять дней.

Вскорѣ полиція сообщила управляющему, что на фабрикѣ неладно, что тамъ читаются противоправительственныя книжки. Управляющій произвелъ домашнее слѣдствіе. Выяснилось, что книжки читаютъ рабочій Ефимовъ и сторожъ Барышниковъ. Управляющій произвелъ у нихъ обыскъ, но ни у того, ни у другого не нашелъ ничего, только ему удалось узнать, что сторожъ незадолго до обыска сжегъ какую-то книгу. Этимъ и кончилась вся исторія. Работницы оказались: одна Каминскою, другая Ольгою Любатовичъ.

Что касается Джабадари, то противъ него не удалось собрать слѣдствію никакихъ серьезныхъ уликъ. Его компрометировало, главнымъ образомъ, показаніе рабочаго Баринова, говорившаго, что къ кружку, распространявшему революціонныя книги, принадлежали Васильевъ, Алексѣевъ и Джабадари, извѣстный подъ фамиліей Петрова. Скворцова показала также, что, когда на конспиративную квартиру, нанимаемую Васильевымъ,

былъ присланъ изъ Петербурга чемоданъ съ революціонными книгами, то Джабадари взялъ его и увезъ куда-то.

Немаловажною уликою противъ Джабадари служило также и то обстоятельство, что его арестовали вмѣстѣ со всею компаніею въ домѣ Корсакъ. Товарищи объяснили присутствіе тамъ Джабадари очень просто. Лѣтомъ 1874 года онъ познакомился за границей съ Бардиною. Встрѣтившись съ нею въ Москвѣ, онъ бывалъ у нея изрѣдка. Въ Москвѣ онъ думалъ поступить въ университетъ, но затѣмъ измѣнилъ свое намѣреніе и собирался ѣхать на Кавказъ. Такъ какъ у него не было денегъ, то онъ обратился къ Бардиной съ просьбою о займѣ. Она обѣщала занять ему 60 рублей, и за полученіемъ этихъ денегъ онъ и явился къ ней на квартиру, въ домъ Корсакъ. Кромѣ того, нѣсколько человѣкъ показали, что Джабадари ходилъ по трактирамъ, гдѣ собирались рабочіе, искалъ съ ними знакомства, угощалъ ихъ папиросами и чаемъ, хотя никто не видѣлъ, чтобы онъ раздавалъ имъ какія-либо книжки.

Исторія Лукашевича представляется въ такомъ видѣ. Уроженецъ Херсона, другъ Франжоли и Ваховскаго, онъ около двухъ лѣтъ не снималъ съ себя рабочаго костюма, не возвращался въ цивилизацію въ теченіе двухъ лѣтъ, работая на различныхъ фабрикахъ и заводахъ. Послѣ ареста Л. утверждалъ, что, не имѣя средствъ къ жизни, онъ занимался сначала перепиской, но, такъ какъ эта работа невыгодна и крайне непостоянна, то онъ рѣшился воспользоваться своимъ знаніемъ слесарнаго мастерства, пріобрѣтеннымъ въ технологическомъ институтѣ, и сталъ искать работы по этой части. Будучи студентомъ, онъ не могъ найти такого мѣста и потому былъ вынужденъ воспользоваться подложнымъ паспор-

томъ. Книги, найденныя на чердакѣ дома, въ которомъ онъ жилъ, принадлежатъ не ему.

Противъ Георгіевскаго жандармамъ такъ и не удалось собрать никакихъ уликъ. Онъ и не пропагандировалъ, и не ходилъ «въ народъ», и не раздавалъ книжекъ и, въ сущности, кромѣ проживательства по чужому виду и того факта, что онъ былъ арестованъ на конспиративной квартирѣ, его не удалось компрометировать ничѣмъ. Онъ даже содержался подъ стражею, главнымъ образомъ за упорное молчаніе, такъ какъ никакого обвиненія къ нему предъявлено не было.

Разгромъ конспиративной квартиры въ домѣ Корсакъ, произведенный 4-го апрѣля 1875 года, нанесъ сильный ударъ московской организаціи. Уцѣлѣвшіе члены общины и, главнымъ образомъ, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Лидія Фигнеръ, Варвара Александрова и Александра Хоржевская, снова организовали въ Москвѣ администрацію общества, послѣ чего рѣшили перенести свою дѣятельность въ провинцію: въ Иваново-Вознесенскъ, Одессу, Кіевъ и Тулу. Это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, и организація дѣйствовала еще около четырехъ мѣсяцевъ въ провинціи.

Въ началѣ августа служащій на фабрикѣ Зубкова въ Иваново-Вознесенскѣ, крестьянинъ Александръ Трухинъ, отобралъ у одного изъ рабочихъ книгу подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ». Убѣдившись въ ея вредномъ направленіи и узнавъ, что книга получена отъ рабочихъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы и проживающихъ въ домѣ Кисина, Трухинъ донесъ обо всемъ полиціи.

Немедленно у подозрительныхъ рабочихъ былъ произведенъ обыскъ. Въ ихъ квартирѣ было найдено 245 экземпляровъ книгъ и газетъ, разныя письма и 253 руб. денегъ. Обыскъ не обошелся

безъ приключеній. Вокругъ дома собралась громадная толпа народа. Въ квартиру, гдѣ происходилъ обыскъ, явился хозяинъ дома, Кисинъ, «въ нетрезвомъ состояніи, сталъ шумѣть и вступать въ пререканія съ жандармами, и, когда его вывели, онъ вошелъ въ толпу и началъ разсуждать». Въ виду всего этого полицеймейстеръ счелъ нужнымъ, не составляя протокола, лицъ, задержанныхъ во время обыска, отправить подъ арестъ, а вещественныя доказательства опечатать и перенести въ полицейское управленіе. Во время обыска одна изъ задержанныхъ дѣвушекъ хотѣла проглотить какое-то письмо. Его у нея отобрали, но подскочила другая дѣвушка, вырвала его и сунула себѣ въ ротъ. Тутъ произошла свалка. На дѣвушку, оказавшуюся Александровой, бросились два жандарма и стали ее душить за горло. Ей на помощь поспѣшилъ Александровъ и отбилъ ее, но затѣмъ на него напало шесть жандармовъ, побили его и связали. Въ результатѣ у одного изъ жандармовъ оказался откушеннымъ палецъ, но записка была все-таки отобрана и пріобщена къ дѣлу.

Арестованными оказались: Лидія Фигнеръ, Варвара Александрова, Владиміръ Александровъ, Анна Топоркова, Екатерина Гамкрелидзе, рожденная Туманова, Семенъ Агановъ и Иванъ Бариновъ. Послѣдніе два, это, именно, тѣ рабочіе, которые были задержаны въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1875 г., и своими показаніями компрометировали многихъ пропагандистовъ. Жандармы, считая ихъ только жертвами, вовлеченными въ революціонное дѣло агитаторами, отпустили ихъ послѣ московской исторіи на волю. Съ этихъ поръ эти люди стали самыми ревностными пропагандистами.

Разгромъ вознесенской общины доставилъ властямъ богатый матеріалъ, компрометирующій

многихъ лицъ. Особенно цѣннымъ для жандармовъ оказалось то письмо, изъ-за котораго произошла схватка между Александровымъ и жандармами. Оно было писано Здановичемъ Лидіи Фигнеръ, было помѣчено 19 іюля и гласило слѣдующее:

«Вы начинаете свое письмо словами: «Прежде всего», начнемъ и мы такимъ же маперомъ.

«Прежде всего, мы должны поставить вамъ на видъ, что вы имѣете неимовѣрныя претензіи, будто не знаете условій здѣшнихъ. Второе: напрасно силитесь вы доказать, что письмо ваше написано правильно, никакой чортъ его не пойметъ. Мы его хранимъ, какъ документъ. Мы не крючкотворцы и на этомъ покончимъ полемику съ вами, хотя, при желаніи, можно было бы найти многое, за что васъ выругать слѣдуетъ. Но Богъ съ вами,—прощаемъ.

«Пріѣхали отцы Михаила *) и Петьки **) Дѣло Михаила, какъ передавалъ отецъ, стоитъ очень хорошо: его, быть можетъ, выпустятъ на поруки подъ залогъ. Дѣло Петьки неизвѣстно. Отецъ поѣхалъ хлопотать въ Питеръ. Интересно, что не мы ихъ отыскали и познакомили другъ съ другомъ, а сами снюхались и разсказали каждый про свое горе другому. Оказалось, что они имѣютъ точки соприкосновенія и соединились. Мы думаемъ, что скоро составится кружокъ «отцовъ».

«Отыскали тетку, она сидитъ въ городской части. Написали письмо; она почему-то поблѣднѣла, разорвала его и бросила на полъ. Не знаемъ объясненія этой странности. Письмо писано рукою Вѣры.

«Дѣло Ѳедора будто бы подвигалось и было го-

*) Иванъ Джабадари.
**) Бетти Каминская.

тово, только прогнали служителя тюрьмы и спошенія прекращены...

«Я думаю скоро уѣхать по дѣлу о пути. Путь пропалъ: перехватили Гинцбуряты, т. е. устроили такимъ образомъ, что и книги должны провозиться черезъ нашъ путь. Нужно уничтожить подкопы. Вотъ каковы эти Гинцбуряты проклятые, а мы большіе дураки: довѣряемъ имъ, а они проводятъ насъ...

«Съ юга, вообще, неутѣшительныя вѣсти. Ив. Ал. и Соня наотрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ и уѣхали въ Кіевскую губернію, въ деревню. Съ нимъ въ Одессѣ наши имѣли разговоръ, и онъ вышелъ изъ нашей организаціи, разошелся съ нами. Мотивируетъ это тѣмъ, что онъ прежде ошибался, думая, что возможна какая-нибудь организація. Сколько его ни убѣждали, онъ остался непоколебимъ, какъ скала. Поступилъ въ какую-то шайку, не признающую будто бы организаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой сильной централизаціей, что они не должны знать другъ друга, раздѣляются на разряды, какъ обыкновенно бываетъ. Изъ Одессы пишутъ, что насчетъ этой компаніи ходятъ неодобрительные слухи. Вообще, мы мало что понимаемъ въ этой комедіи. Это писали наши, а онъ самъ ничего объ этомъ намъ не писалъ, только мотивируетъ свой отъѣздъ изъ Одессы тѣмъ, что ему тамъ опасно оставаться, имѣя много знакомыхъ. Ерунда, тысячу разъ ерунда! Здѣсь что-то не ладно; узнаемъ, посмотримъ.

«Была Вѣра въ Тулѣ. Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство среди рабочихъ и еще ни одной революціонной книги не читали имъ, «по осторожности», молъ. Хороша осторожность! Почва очень хорошая, сдѣлать возможно весьма многое, только нужно послать туда кого-либо болѣе энергичнаго, чѣмъ эти

разнообразные дѣятели, осторожные пропагандисты, осколки Ив. А—ва. Мы думаемъ, что Ольгѣ и Васютѣ не мѣшало бы туда переселиться, такъ какъ имъ положительно нельзя въ Одессѣ оставаться. Ихъ ищутъ, на нихъ сдѣланъ доносъ негодяемъ Зингеромъ. Вахтель по тому же доносу сидитъ.

«Надя нашла уже работу. Василію тоже обѣщали. Если только почему-нибудь нельзя Ольгѣ уѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ васъ, въ виду, во-первыхъ, того, что тамъ огромное знакомство, а, во-вторыхъ, этого Злобина можетъ Ив. Ал. перетянуть. Тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать.

«Сапоговъ*) ниоткуда нѣтъ. Никакихъ вѣстей ни отъ саратовца, ни отъ Егора, а въ Тулѣ подавно: смѣнили писаря, есть новый, съ которымъ Злобинъ обѣщался поговорить, но Аллахъ вѣдаетъ, когда все это будетъ...

«Ѳеклуша вышла замужъ за князя Мутрука. Свадьба сыграна, отецъ доволенъ, обѣщалъ деньги, но теперь не имѣетъ на рукахъ, и то хорошо»...

Въ заключеніе шелъ рядъ политическихъ новостей. Сообщалось, что въ Сванетіи вспыхнулъ бунтъ, что возможно возстаніе на всемъ Кавказѣ, что въ Серпуховѣ, на фабрикѣ Коншина, бастовали рабочіе, требуя установленія воскреснаго отдыха, что въ Петербургѣ бастовали каменьщики и въ Тулѣ рабочіе казеннаго завода.

Другое письмо заключало не менѣе цѣнный матеріалъ для слѣдствія. Оно было помѣчено 26 іюля и начиналось жалобами на бездѣйствіе тульской общины и объясняло, почему московская администрація сочла нужнымъ отправить въ Тулу «Ивана».

(* Паспортовъ.

«Какъ вамъ извѣстно, вездѣ недостатокъ людей, а больше всего скопилось народу въ Ив., такъ что меньше всего будетъ ущерба для дѣла, если отнять одного человѣка у Ив. На этомъ основаніи мы, было, порѣшили сдѣлать предложеніе Ив., чтобы они выслали одну изъ бабъ въ Тулу. Кажется, ничего здѣсь нѣтъ ужаснаго и никакого преступленія противъ родного человѣка? Не все только то приходится дѣлать, что пріятно: напримѣръ, Рыжему очень не хотѣлось ѣхать за границу, а, между тѣмъ, онъ поѣхалъ, когда дѣло того требуетъ. Мнѣ очень и очень не хотѣлось и не хочется сидѣть здѣсь и исполнять ваши глупые капризы и прихоти, а я сижу.

«Напиши, пожалуйста, Сашка, послала-ли ты денегъ саратовцамъ на сапоги или нѣтъ; отъ нихъ до сихъ поръ нѣтъ письма. Напиши, что дѣлать и какъ къ нимъ можно обратиться. Ты, кажется, забыла, что родить сапоговъ нельзя; ты знаешь, съ какимъ трудомъ они достаются, и потому мы не виноваты, что ихъ нѣтъ. Равно —навсегда говорю вамъ, что прихотей вашихъ исполнять не буду, а приказаній или требованій подавно. Не только свѣту въ окошкѣ. Что вы...

«Теперь относительно меня. Вамъ извѣстно, что я согласилась остаться въ администраціи только мѣсяцъ, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня—26 іюля, какъ разъ мѣсяцъ, такъ что я предлагаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Долго занимать эту должность я не хочу. Мнѣ кажется, что непріятныя должности должны падать равномѣрно на всѣхъ, а не на одного человѣка. Прошу мнѣ на это скорѣе отвѣтить. Дольше оставаться не хочу. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно, отъ васъ не потребуется человѣка въ Тулу, Ольга, должно быть, поѣдетъ туда. Сношенія съ заключенными идутъ своимъ чередомъ.

Завтра будетъ попытка къ освобожденію Федора».

Легко себѣ представить, какимъ цѣннымъ кладомъ оказались для властей вышеприведенныя письма. Изъ нихъ стало ясно, что существуетъ какое-то общество, центральный органъ котораго находится въ Москвѣ и отдѣленія въ провинціи, что между ними ведутся правильныя сношенія, что готовится какой-то побѣгъ изъ тюрьмы и т. д.

Что касается пропагандистовъ, задержанныхъ въ домѣ Кисина, то ихъ исторія, приблизительно, такая:

28-го мая 1875 года въ Иваново-Вознесенскъ прибыли и поселились на одной квартирѣ подъ вымышленными именами: Анна Топоркова, упомянутый выше рабочій Семенъ Агаповъ и сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Александровъ. Агаповъ поступилъ на фабрику Зубкова, а Александровъ—Лопатина. Впослѣдствіи туда пріѣхали еще три дѣвушки, поступившія тоже на фабрику Зубкова, послѣ чего вся компанія переѣхала въ домъ Кисина.

Лица, жившія въ домѣ Кисина, старались не отличаться отъ жизни фабричныхъ. Они вмѣстѣ спали, женщины ходили босикомъ, въ простомъ платьѣ, сами носили себѣ воду, принимали у себя рабочихъ и угощали ихъ чаемъ. Плохо зная ткацкое ремесло, они пригласили къ себѣ ткача Михаила Широкова, съ просьбою обучить ихъ этому ремеслу. При посредствѣ Широкова они завели знакомства со многими рабочими, которые стали навѣщать ихъ. Въ домѣ Кисина образовался своего рода клубъ, гдѣ собирались рабочіе и за чашкою чая велись различные разговоры и споры, читались книги революціоннаго содержанія и запасались ими.

Между прочимъ, Агаповъ случайно познако-

мился съ помощникомъ слесаря желѣзнодорожнаго депо, Федоромъ Жарковскимъ, на котораго пропагандисты возлагали большія надежды. Оказалось, что онъ былъ знакомъ съ сыномъ генералъ-майора Шрейдеромъ, занимавшимся пропагандою во Владимірѣ, получалъ отъ него революціонныя книги и даже содержался въ тюрьмѣ по обвиненію въ участіи въ агитаціи Шрейдера. Пропагандисты уговаривали Жарковскаго поступить въ ихъ общество и собирались отправить его на свой счетъ въ Петербургъ или въ Тулу.

Жарковскій былъ тоже арестованъ во время разгрома иваново-вознесенской общины, но былъ сосланъ административнымъ порядкомъ до разбора дѣла остальныхъ своихъ товарищей.

V.

Арестъ Гамкрелидзе.—Первое вооруженное сопротивленіе.—Кардашевъ.—Казна «всероссійской организаціи». — Фиктивные браки. — Разгромъ кіевской и тульской общинъ. — Арестъ Здановича. — Сношенія арестованныхъ пропагандистовъ съ волею.

9-го августа 1875 года арестованные члены вознесенской общины препровождались въ Москву по желѣзной дорогѣ. Когда ихъ уже помѣстили въ вагонъ, то къ окну послѣдняго подошелъ какой-то прилично одѣтый господинъ и сталъ переговариваться знаками съ одной изъ конвоируемыхъ дѣвушекъ. Его сейчасъ же арестовали. Онъ оказался мужемъ одной изъ арестованныхъ, дворяниномъ Антимозомъ Евдовичемъ Гамкрелидзе.

Такъ какъ онъ жилъ въ Москвѣ, въ гостиницѣ «Украйна», то тамъ немедленно былъ произведенъ обыскъ, для чего былъ откомандированъ прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона, Николай Николаевичъ Ловягинъ, явившійся въ гостиницу въ сопровожденіи помощника надзирателя 4-го квартала Арбатской части, Федорова, жандармовъ, полицейскихъ и понятыхъ. Обыскъ начался въ 5 часовъ вечера. Въ номерѣ Гамкрелидзе было найдено до 300 экземпляровъ книгъ предосудительнаго содержанія, три револьвера, изъ которыхъ два заряженные, и т. д.

Къ 9 часамъ вечера обыскъ былъ законченъ, и

Ловягину оставалось только подписать актъ, составленный имъ, какъ вдругъ дверь номера отворилась, и на порогѣ появилась дѣвушка, которая, замѣтивъ жандармовъ, бросилась назадъ и хотѣла убѣжать, но ее сейчасъ же задержали. Это была Вѣра Любатовичъ, по прозванію «волчекъ». Спустя нѣсколько минутъ туда явился Степанъ Мартыновичъ Кардашевъ, а вслѣдъ за нимъ еще и князь Александръ Циціановъ. Конечно, они оба были задержаны. Любатовичъ и Кардашевъ держали себя спокойно, но Циціановъ сталъ волноваться, требовалъ отъ жандармскаго офицера письменный приказъ объ арестованіи его, поносилъ производившихъ обыскъ бранью и т. д.

Окончивъ писать протоколъ, Ловягинъ поручилъ Федорову и полицейскимъ стеречь арестованныхъ, и самъ собирался отправиться въ жандармское управленіе за жандармами. Ему подали шинель, и онъ одѣвалъ ее, какъ вдругъ Циціановъ выхватилъ изъ кармана револьверъ. Грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой. Пуля просвистѣла мимо уха Ловягина такъ близко, что онъ почувствовалъ ожегъ. Онъ упалъ на колѣни, и на него повалился городовой, державшій шинель. Произошла суматоха. Нѣкоторые изъ понятыхъ и городовыхъ бросились бѣжать, но швейцаръ гостиницы, Галактіоновъ, и унтеръ-офицеръ штаба московской полиціи, Вдовинъ, кинулись на Циціанова, собиравшагося стрѣлять въ третій разъ. Произошла свалка. Циціановъ и старавшіеся обезоружить его упали на полъ, онъ пытался выстрѣлить еще разъ, но указательный палецъ правой руки попалъ подъ курокъ, и онъ долго не могъ освободить его.

На подмогу городовому и швейцару, отъ которыхъ Циціановъ яростно отбивался, бросился и надзиратель Федоровъ, но въ общей свалкѣ и онъ упалъ на полъ и очутился въ такомъ положеніи,

что ноги его находились подъ городовыми, а руками онъ держалъ стрѣлявшаго за руки. Этимъ моментомъ воспользовалась Вѣра Любатовичъ, бросилась на Федорова и, схвативъ его одной рукой за горло, другой за шею, старалась задушить.

Борьба продолжалась недолго. Цицiанова повалили на полъ и начали вязать, отнявъ у него револьверъ. Тогда и Любатовичъ оставила Федорова. Послѣднiй сталъ обыскивать кн. Цицiанова, бранившагося все время, и вынулъ изъ кармана его брюкъ небольшой складной ножикъ.

— Очень радъ, что убилъ собаку,—кричалъ въ это время Цицiановъ,—жалѣю, что не убилъ тебя. Этотъ ножикъ былъ предназначенъ для этого. Впрочемъ, еще не уйдешь, будетъ тебѣ тоже.

Въ этотъ день московскихъ пропагандистовъ преслѣдовалъ какой-то рокъ. Не успѣлъ прапорщикъ Ловягинъ доложить по начальству о своемъ приключенiи въ номерѣ «Украйна», пришли одно за другимъ еще три лица: Евгенiя Субботина, Михаилъ Овчинниковъ и Иванъ Рождественскiй.

На слѣдующiй день былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ князя Цицiанова, проживавшаго въ домѣ гр. Толстой. Тамъ былъ найденъ еще одинъ револьверъ большого калибра, цѣлый складъ книгъ революцiоннаго содержанiя, фальшивые виды на жительство, много женскаго платья и въ томъ числѣ: четыре дамскiя шляпки, вѣнчальные цвѣты въ коробкѣ, розовая тафта для подножекъ при бракѣ, икона Божiей Матери въ серебряной ризѣ и т. д. Власти, конечно, догадались, что всѣ эти вещи не могли принадлежать одному кн. Цицiанову и, такъ какъ дознанiемъ было установлено, что квартиру въ домѣ кн. Толстой посѣщали и имѣли отъ нея ключи: Вѣра Любатовичъ, кн. Цицiановъ и Цвилиневъ, то, на основанiи этого, власти пришли къ заключенiю, что

тамъ помѣщалась администрація организаціи и что Вѣра Любатовичъ, кн. Циціановъ и Цвиличевъ составляли управленіе.

Арестованный во время обыска у Гамкрелидзе Кардашевъ заявилъ жандармамъ, что у него на квартирѣ остался значительный денежный капиталъ. Вслѣдствіе этого и у Кардашева, именовавшагося тогда, впрочемъ, кн. Кочкидзе, былъ произведенъ обыскъ, причемъ у него было найдено: 8,545 руб. кредитными билетами и билетъ петербургскаго учетнаго банка на имя Тумановой въ 1,100 руб. Явилось предположеніе, что удалось захватить и казначея, и казну организаціи.

Кардашевъ былъ землякъ и пріятель Чекоидзе. Они вмѣстѣ учились въ школѣ межевщиковъ въ Тифлисѣ. Кардашевъ, окончивъ курсъ, поступилъ на службу, но, по прошествіи трехъ лѣтъ, оставилъ ее въ чинѣ коллежскаго регистратора. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ братьевъ, раздѣлившихъ доставшееся имъ по наслѣдству, 3,500 руб. и рѣшилъ поѣхать за границу учиться. Такъ какъ Цюрихъ уже пользовался репутаціей безпокойнаго города, то родные взяли у Кардашева слово, что онъ не поѣдетъ туда. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе и поѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ поступилъ въ тамошнюю политехническую школу и усердно занимался изученіемъ нѣмецкаго языка и наукъ.

Въ концѣ 1874 года Кардашева навѣстилъ его товарищъ и другъ Чекоидзе, возвращавшійся изъ Парижа въ Россію. Онъ пригласилъ Кардашева къ себѣ въ Москву, и въ февралѣ 1875 года Кардашевъ собрался въ Россію посмотрѣть городъ. Онъ пріѣхалъ какъ разъ въ то время, когда вырабатывался уставъ «всероссійской организаціи» и когда московско-швейцарскій кружокъ начиналъ агитацію среди рабочихъ. Какое участіе

принималъ въ этомъ дѣлѣ Кардашевъ—точно не установлено, но къ моменту разгрома администраціи, помѣщавшейся въ домѣ Корсакъ, онъ успѣлъ возвратиться въ Дрезденъ. По одной версіи, онъ уѣхалъ до разгрома, по другой, поспѣшилъ скрыться изъ Москвы какъ только начались аресты.

Въ концѣ іюня 1875 года Кардашевъ опять появился въ Москвѣ, и показаніями швейцаровъ и прислуги удалось установить впослѣдствіи, что онъ часто посѣщалъ Гамкрелидзе и Любатовичъ.

Собственно, никакихъ другихъ обстоятельствъ. компрометирующихъ Кардашева, выяснено не было, но власти были твердо увѣрены, что деньги, захваченныя у Кардашева, составляютъ собственность организаціи. Удалось установить, что Кардашевъ ѣздилъ въ Тулу и Орелъ, но главною уликою противъ арестованнаго послужила его собственная записная книжка, въ которой значились такіе расходы: Санчо 15 руб., Санчо 25 р., Волч. 20 руб., Гамкѣ 15 руб., свадьба 41 руб. Такъ какъ все это были имена пропагандистовъ, прекрасно извѣстныя жандармамъ, съ другой же стороны, было извѣстно, что фиктивные браки устраиваются очень часто между пропагандистами. то и явилась увѣренность, что деньги, захваченныя у Кардашева, общественныя, и что онъ записывалъ расходы, производимые имъ за счетъ общества.

Кардашевъ далъ относительно денегъ, найденныхъ у него, довольно неправдоподобныя объясненія. Онъ утверждалъ, что часть ихъ принадлежитъ лично ему, что же касается другой части, то ея происхожденіе такое: узнавъ, что его товарищъ и другъ Чекоидзе арестованъ, онъ немедленно собрался въ Россію, чтобы хлопотать объ его освобожденіи и въ случаѣ, если это ока-

жется возможнымъ, внести за него залогъ. Поэтому онъ обратился къ одной личности, которая и дала ему нужную сумму денегъ. Называть этой личности онъ не желаетъ. Юридически деньги принадлежатъ ему, нравственно онъ обязанъ употребить ихъ для извѣстной цѣли.

Что касается банковаго билета Гамкрелидзе, урожденной Тумановой, на 1,100 руб., то Кардашевъ такъ объяснилъ его нахожденіе у себя. Билетъ получила въ приданое Туманова, выходя замужъ за Гамкрелидзе. Послѣднему понадобились деньги, и онъ попросилъ Карташева занять ему ихъ подъ залогъ билета. У нихъ было такое условіе, что разъ Гамкрелидзе не будетъ въ состояніи возвратить занятыхъ денегъ, то билетъ поступаетъ въ собственность Кардашева.

Случай, доставилъ въ руки властей новый матеріалъ, служившій неоспоримымъ доказательствомъ, что деньги Кардашева принадлежатъ организаціи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его задержанія, во время одного изъ обысковъ, попали въ руки полиціи письма, писанныя Кардашевымъ изъ тюрьмы на Кавказъ, роднымъ. Письма эти какими-то путями проскользнули незамѣченными черезъ всѣ тюремныя инстанціи и были захвачены въ моментъ, когда ихъ предполагали отправить изъ Москвы на Кавказъ. Въ одномъ изъ писемъ были такія слова:

«Полагаютъ, что эти деньги кружковыя, членскія... Теперь вся суть въ томъ, чтобы найти человѣка, который взялся бы сказать, что это его деньги, что онъ мнѣ ихъ далъ... Спасите деньги, хотя чужія для васъ, но для меня это деньги дорогихъ мнѣ людей».

Кардашевъ, сидя въ тюрьмѣ, придумалъ планъ спасенія денегъ. Онъ написалъ роднымъ заднимъ числомъ письма, прося занять ему 9,000 рублей для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ, выдалъ

на ихъ имя векселя, но вся переписка, приготовленная и обдуманная столь старательно, попала въ руки властей вмѣстѣ съ упомянутымъ выше письмомъ.

Какимъ образомъ московской организаціи удалось собрать этотъ капиталъ, такъ и осталось точно не выясненнымъ. Правда, въ числѣ членовъ общины были дѣвушки состоятельныя, какъ, напримѣръ, Субботина, но трудно допустить, чтобы онѣ жертвовали на общее дѣло столь большія средства. Жандармское управленіе объяснило происхожденіе капитала такимъ образомъ: общинники женились на состоятельныхъ дѣвушкахъ, заключая съ ними фиктивные браки, получали приданое и передавали его въ общую кассу. Этой гипотезой объяснялось легко происхожденіе банковаго билета Тумановой, но какимъ образомъ удалось составить еще 8 тыс. рублей, осталось невыясненнымъ. Жандармское управленіе, впрочемъ, настаивало на томъ, что единственнымъ источникомъ для полученія пропагандистами средствъ были фиктивные браки.

Въ доказательство приводилось письмо, найденное у одной изъ арестованныхъ, въ которомъ какая-то неизвѣстная дѣвушка говорила, что не можетъ получить денегъ до выхода замужъ, а потому просила найти ей охотника, который согласился бы «продѣлать эту комедь». Предполагалось также, что Хоржевская, сочетавшаяся фиктивнымъ бракомъ съ княземъ Циціановымъ, получила значительное приданое, но этотъ фактъ ничѣмъ не подтвердился, и отецъ Хоржевской заявилъ категорически, что далъ своей дочери наличными всего только 200 руб. Здѣсь, кстати, нельзя не замѣтить, что женился на Хоржевской не кн. Цiціановъ, но молодой человѣкъ, предъ-

явившій паспортъ и другіе документы Цыціапова и самъ исчезнувшій, неизвѣстно куда.

Хотя разгромъ иваново-вознесенской общины и далъ опредѣленныя указанія на то, что въ Тулѣ и Кіевѣ существуютъ революціонныя общины, но этихъ указаній оказалось недостаточно для московскаго жандармскаго управленія. Въ Тулѣ былъ арестованъ только одинъ Иванъ Злобинъ, сынъ коллежскаго ассесора, служившій простымъ рабочимъ на Тульскомъ оружейномъ заводѣ и распространявшій революціонныя книги между рабочими, но его арестъ не повлекъ за собою новыхъ арестовъ и не далъ жандармамъ никакихъ указаній.

7-го сентября 1875 г. явился къ тульскому полицеймейстеру рабочій Василій Ковалевъ и заявилъ ему, что лѣтомъ нынѣшняго года познакомился въ Кіевѣ, гдѣ служилъ рабочимъ на сахарномъ заводѣ, съ членами тайнаго общества, желающаго возбудить народъ къ бунту. Они убѣдили его поступить въ ихъ общество, снабдили его деньгами на дорогу и отправили въ Тулу, гдѣ онъ распространялъ революціонныя книги вмѣстѣ съ проживающими тамъ пропагандистами. По указаніямъ Ковалева были арестованы: Ольга Спиридоновна Любатовичъ, бывшій воспитанникъ кіевской военной гимназіи Григорій Петровичъ Сидорскій и рабочіе Фетисовъ, Едуковы и Кураковъ.

Вскорѣ послѣ разгрома тульской общины дошла очередь и до кіевской. Первымъ дѣломъ былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ акушерки Геси Мироновны Гельфманъ, письма которой были найдены у Любатовичъ въ Тулѣ. Обыскъ не обнаружилъ ничего предосудительнаго, и Гельфманъ оставили пока въ покоѣ, но за квартирою ея былъ учрежденъ надзоръ. Спустя нѣсколько дней въ квартирѣ Гельфманъ былъ устроенъ вто-

рой обыскъ, и на этотъ разъ тамъ удалось задержать отставного подпоручика Михаила Федоровича Воронкова, дворянина Мартына Александровича Млодецкаго и княгиню Александру Сергѣевну Цицiанову, урожденную Хоржевскую, и, кромѣ того, нѣсколько писемъ и документовъ, давшихъ возможность арестовать и остальныхъ членовъ кiевской общины: техническаго мастера 1-го разряда кiевскаго артиллерiйскаго полигона Александрова и рабочаго Острова. Впрочемъ, никакихъ данныхъ, особенно компрометирующихъ кiевскую общину, выяснено не было. Неизвѣстно даже, занималась-ли она распространенiемъ революцiонныхъ книгъ.

Въ сентябрѣ 1875 года произошелъ случай анектодическаго характера, отдавшiй въ руки правительства всѣ нити московской организацiи. Изъ Кишинева были высланы черезъ Харьковъ въ Москву три тюка революцiонныхъ книгъ, подъ именемъ кожевеннаго товара. Въ Харьковѣ артельщики вскрыли одинъ тюкъ, украли товаръ и замѣнили его всякимъ хламомъ. Правда, они ошиблись въ своихъ расчетахъ и, вмѣсто кожъ, получили книги, но, не смущаясь этимъ, они преспокойно распродали ихъ торговцамъ. Можно себѣ представить, какая суматоха поднялась въ Харьковѣ, когда тамъ, чуть-ли не на всѣхъ перекресткахъ, стали продаваться по дешевой цѣнѣ заграничныя революцiонныя изданiя. За дѣло принялись немедленно жандармы, извѣстивъ, прежде всего, по телеграфу Москву, что туда прибудутъ три ящика революцiонныхъ книгъ, вѣсомъ 3 пуда 13 фунтовъ, по квитанцiи на предъявителя.

На товарной станцiи Московско-Курской дороги была устроена засада, въ которую попалъ человѣкъ, явившiйся за полученiемъ кишиневскаго транспорта. Имъ оказался Георгiй

Феликсовичъ Здановичъ, по прозванію «Рыжій», пріѣхавшій только-что изъ Кишинева. Въ тюкахъ оказалось около двухъ съ половиною тысячъ экземпляровъ революціонныхъ книгъ. Здановичъ проживалъ подъ фамиліей Вернера. Въ его номерѣ былъ найденъ экземпляръ устава «всероссійской организаціи», явившійся самой убѣдительной уликой къ обвиненію всѣхъ пропагандистовъ 1875 года. Въ номерѣ Вернера было найдено также нѣсколько бутылокъ съ краскою для волосъ, у задержаннаго же вскорѣ измѣнился цвѣтъ лица, и изъ брюнета онъ сдѣлался рыжимъ.

Хотя къ осени 1875 года разгромъ московской организаціи казался законченнымъ, но все-таки кое-кто изъ членовъ ея оставался на свободѣ, занимаясь уже не пропагандою, но устройствомъ побѣговъ арестованныхъ и обдумываніемъ средствъ для облегченія участи арестованныхъ. Предполагалось, путемъ подбора документовъ и свидѣтелей, доказать непричастность къ дѣламъ организаціи тѣхъ или другихъ лицъ, но въ дѣйствительности вся эта работа только увеличила компрометирующій матеріалъ, бывшій и безъ того въ рукахъ властей.

Такъ, 1-го декабря въ хлѣбѣ, принесенномъ Надеждою Георгіевскою брату ея, содержавшемуся въ домѣ для арестуемыхъ при Сущевской части г. Москвы, была найдена шифрованная записка, не заключавшая, въ сущности, никакихъ особенно важныхъ свѣдѣній, но это обстоятельство послужило поводомъ для производства обыска въ квартирѣ Георгіевской. Послѣдняя жила вмѣстѣ съ Введенскою, и у нихъ были найдены письма и документы, изготовленные Кардашевымъ и назначенные для отправки на Кавказъ. Эти документы окончательно погубили Кардашева. Въ квартирѣ Георгіевской былъ за-

держанъ также Сбромирскій, уличенный впослѣдствіи въ пропагандѣ среди московскихъ рабочихъ.

Вообще, аресты лицъ, причастныхъ къ московской организаціи, производились непрерывно до конца 1875 года. Были арестованы сестры Субботины, Батюшкова, Цвилиневъ, Бѣляевскій, Овчинниковъ и, въ концѣ-концовъ, число арестованныхъ достигло 50 человѣкъ.

Нельзя не отмѣтить особенную настойчивость, съ какой члены организаціи, остававшіеся на свободѣ, старались сноситься съ товарищами, заключенными въ тюрьму. Какими путями имъ удавалось сноситься съ ними, выяснено лишь отчасти, но записки, найденныя во время различныхъ обысковъ, свидѣтельствуютъ, что эти сношенія носили характеръ почти правильной корреспонденціи.

Посредниками между заключенными пропагандистами и ихъ товарищами на свободѣ были по преимуществу тюремные смотрители и нижніе чины. Одинъ жандармъ былъ даже сосланъ въ Сибирь за то, что доставлялъ арестованнымъ письма. Въ концѣ-концовъ, пропагандистамъ не удалось устроить ни одного побѣга.

ИСТОЧНИКИ.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). — «Народники-пропагандисты 1873 78 годовъ». Изданіе Розенфельда. Петербургъ, 1907.

Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». («Русская историческая библіотека», № 6).

Онъ же.—«Процессъ «193-хъ». «Русская историческая библіотека», № 7).

А. О. Лукашевичъ.—«Въ народъ». («Изъ воспоминаній семидесятника»). «Былое», №№ 3—5.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. — «Воспоминанія». Петербургъ, 1906.

В. В. Каллашъ.—«Рѣчи и біографіи». Москва, 1907 г.

„Троглодиты“.

„Земля и Воля“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

I.

«Южно-русскій рабочій союзъ».—Е. О. Заславскій.—Уставъ союза и его дѣятельность.—Доставка книгъ изъ-за границы.—Сходки.—Д. А. Полко.—Аресты и судъ.—Приговоръ по дѣлу рабочаго союза.—Изъ записокъ С. Жебунева.—Поселенія «троглодитовъ».—Кіевскіе кружки.—Изъ записокъ Михайлова.

Какъ ни трудились жандармскія и полицейскія власти въ теченіе 1874 и 1875 гг., хотя и открыли революціонные кружки въ 35 губерніяхъ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они не уничтожили революціи. И во второй половинѣ 1875 г., съ одной стороны, существовали кружки, сумѣвшіе ускользнуть отъ преслѣдованій, съ другой—возникли новые. На смѣну арестованнымъ пропагандистамъ являлись и составляли кружки молодыя силы. Многіе кружки дѣйствовали столь «конспиративно» и осторожно, что о нихъ не только ничего не знали жандармы, но и исторія не сохранила никакихъ свѣдѣній про ихъ дѣла и помышленія. Къ числу кружковъ первой категоріи, не попавшей въ процессъ «50-ти» или «193-хъ» только по недосмотру, относится такъ называемый «южно-русскій рабочій союзъ», существовавшій въ Одессѣ въ 1875 г. Хотя въ перепискѣ, захваченной во время обыска въ Иваново-Вознесенскѣ, и были найдены кое-какія указанія на счетъ одесскаго кружка, но властямъ не удалось до него добраться только случайно.

Въ концѣ ноября 1875 г. служившій машинистомъ на ю.-з. желѣзной дорогѣ, крестьянинъ Павелъ Толстоносовъ, явился къ начальнику жандармскаго управленія и сообщилъ ему, что въ Одессѣ существуетъ тайное революціонное общество, занимающееся распространеніемъ въ народѣ противоправительственныхъ книгъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ Толстоносовъ предъявилъ нѣсколько номеровъ «Впередъ», «Работника» и пять-шесть брошюръ Онъ же назвалъ фамиліи нѣсколькихъ членовъ общества. По указаніямъ Толстоносова, были произведены обыски, результатомъ которыхъ были многочисленные аресты и разгромъ «южно-русскаго союза».

Рабочій Мрачковскій показалъ, что, бывая у своего товарища Курганова, онъ видѣлъ, что послѣдній и его пріятель, Короленко, читаютъ газету «Впередъ». Онъ попросилъ ее у нихъ, но они отвѣчали, что эта газета запрещенная и, прежде чѣмъ получить ее для чтенія, надо побывать на сходкахъ. Поэтому онъ попросилъ своихъ пріятелей взять его съ собою на сходку, и въ первый же праздничный день они туда и отправились. Сходка происходила въ трактирѣ, въ городскомъ саду, гдѣ собралось до 30 человѣкъ рабочихъ.

Мрачковскій былъ еще на нѣсколькихъ сходкахъ, которыя происходили обыкновенно за городомъ, а когда начались холода, то въ трактирахъ. Насколько помнилъ Мрачковскій, при немъ рѣшались вопросы: о займѣ Курганскому 25 р., объ исключеніи изъ общества Рывицкаго за невзносъ взятыхъ имъ изъ кассы денегъ, обсуждался проектъ устава союза, составленный Скверн. Въ уставѣ, насколько помнилъ Мрачковскій, говорилось, что рабочіе должны стоять всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. У общества была касса, предназначенная для вспомоществова-

ванія рабочимъ, не имѣющимъ мѣста. Туда каждый членъ союза долженъ былъ вносить по одному рублю въ мѣсяцъ. Завѣдывалъ кассою рабочій Луценко; кромѣ того, избирались депутаты для сбора денегъ въ кассу и ознакомленія рабочихъ съ основаніями устава, составленнаго Скверы.

Руководящая роль въ союзѣ принадлежала дворянину Евгенію Осиповичу Заславскому. На сходкахъ онъ произносилъ обыкновенно рѣчи о томъ, что рабочіе обременены работою и податями и что, если правительство ничего для нихъ не сдѣлаетъ, то необходимо взбунтоваться и идти противъ войскъ. Кромѣ Заславскаго, руководителями общества были: итальянскій подданный Михаилъ Петровичъ Скверы, одесскій мѣщанинъ Федоръ Кравченко и елизаветградскій—Петръ Сиденко.

Мрачковскій утверждалъ, что онъ хотѣлъ выйти изъ союза, но ему объяснили, что этого сдѣлать нельзя, и если онъ оставитъ общество или вздумаетъ не повиноваться его постановленіямъ, то будетъ убитъ.

Два экземпляра «устава южно-русскаго союза рабочихъ», переписанные рукою Скверы, были найдены случайно, на улицѣ, мальчикомъ, Петромъ Шепелевымъ, и были пріобщены къ дѣлу. Въ уставѣ говорилось, что, сознавая, что установившійся нынѣ относительно рабочихъ порядокъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ справедливости, что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только путемъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привилегіи и преимущества,—рабочіе южно-русскаго края соединяются въ одинъ союзъ, поставя себѣ цѣлью:

а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-

подъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ;

б) объединеніе рабочихъ южно-русскаго края;

в) борьбу съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ.

О кассѣ союза говорилось, что суммы ея предназначаются для пропаганды идеи освобожденія рабочихъ, впослѣдствіи же и для борьбы за эту идею. Въ 4 п. излагалось правило: «всѣ за одного, и одинъ за всѣхъ». По 5 п. членъ союза, проговорившійся о существованіи послѣдняго постороннему лицу или не исполняющій въ точности своихъ обязанностей, считается измѣнникомъ. Шестой пунктъ устава требуетъ отъ каждаго члена готовности на всякую жертву, какая окажется необходимою для спасенія союза. Слѣдующіе пункты заключали правила относительно взносовъ, порядка расходованія суммъ, о кассирѣ, кружкахъ и депутатахъ. Въ уставѣ упоминалось, что союзъ раздѣляется на общества, которыхъ теперь два: одесское и ростовское.

Дознаніемъ удалось выяснить, какимъ путемъ союзъ получалъ изъ-за границы запрещенныя книги. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ сынъ священника, Митрофанъ Ляховичъ. Онъ состоялъ угольщикомъ на пароходѣ «Лазаревъ» и доставлялъ въ Одессу книги, получаемыя имъ въ Лондонѣ у русскихъ: Пустового и Ларіонова. При посредствѣ Рывицкаго онъ познакомился съ Заславскимъ и возилъ отъ него письма въ Лондонъ къ Пустовому. Ляховскій вскрылъ одно изъ этихъ писемъ. Заславкій писалъ въ немъ, что онъ три года живетъ въ Одессѣ, что сперва дѣло шло туго, но что теперь онъ уже имѣетъ до сорока человѣкъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться. Что касается члена союза, турецкаго подданнаго Христофора-Янп Рывицкаго, то нѣкоторые свидѣтели утверждали, что знали его подъ фа-

миліей Яна Рывицкаго, что онъ жилъ раньше въ Подольской губерніи, гдѣ работалъ на чугуно-литейномъ заводѣ помѣщика Мальковскаго, считался тогда католикомъ и русскимъ подданнымъ. Во время задержанія онъ числился православнымъ и турецкимъ подданнымъ.

Рывицкій тоже игралъ въ обществѣ нѣкоторую роль. Повидимому, онъ хранилъ книги, принадлежавшія союзу.

Дѣятельность Заславскаго въ Одессѣ продолжалась около трехъ лѣтъ. Слѣдствіемъ удалось установить, что въ періодъ съ 1872 по 1874 г. на квартирѣ, нанимаемой на имя Изотова, устраивались лекціи для рабочихъ. Въ числѣ другихъ лекторовъ Заславскій читалъ тамъ политическую экономію. Въ квартирѣ Изотова помѣщалась также библіотека, полученная, по показанію Изотова, отъ какого-то семинариста, Ковальскаго. За чтеніе книгъ взималось по 7 коп. въ недѣлю.

Однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ Заславскаго былъ извѣстный впослѣдствіи террористъ, Григорій Анфимовичъ Попко, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ и не арестованный во время разгрома союза. И онъ читалъ лекціи рабочимъ, обучалъ ихъ грамотѣ и занимался труднымъ и опаснымъ дѣломъ перевозки книгъ изъ-за границы. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ часто въ Кишиневъ, жилъ на границѣ, знакомился съ разными евреями-контрабандистами, рискуя каждую минуту быть преданнымъ.

Попко съумѣлъ вести дѣла такъ умно и осторожно, что его фамилія осталась неизвѣстною шпіонамъ и жандармамъ не только во время его поѣздокъ за границу, но даже когда самъ Заславскій былъ арестованъ. Попко не только избѣжалъ ареста, но даже сохранилъ легальность. Толстоносовъ и другіе шпіоны знали только его клич-

ки: «Козьма», «Грыцько», «Чернышевъ», настоящей же его фамиліи не зналъ никто.

Когда, послѣ ареста Заславскаго, вся созданная имъ организація рушилась, Полко собралъ остальныхъ рабочихъ, не терялъ ихъ ни на минуту изъ виду, и при его участіи удалось составить новый кружокъ, въ составъ котораго входили братья Ивичевичи, Иванченко и другіе «заславцы». Этотъ кружокъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ кіевскимъ кружкомъ Стефановича и Дебогорій-Мокріевича.

Впослѣдствіи одесскій кружокъ рѣшилъ отомстить за Заславскаго и убить шпіоновъ Толстоносова и Тавлѣева. Первому изъ нихъ удалось ускользнуть и избѣжать мести, но второй былъ убитъ во время гулянья въ городскомъ саду чуть-ли не на виду у всѣхъ, въ 1876 году.

Кружки Заславскаго и Полко составляютъ какъ бы соединительное звено между кружками 73 и 74 гг. Волховскаго, Франжоли, Жебуневыхъ и позднѣйшими террористическими кружками Ковальскаго, Лизогуба и пр.

Возвращаясь къ Заславскому, остается отмѣтить, что въ цѣляхъ пропаганды онъ открылъ въ Одессѣ баню, на устройство которой были израсходованы, между прочимъ, и деньги, собиравшіяся за чтеніе книгъ изъ кружковой библіотеки. Баня, впрочемъ, просуществовала недолго и была закрыта, такъ какъ приносила одни только убытки. Потомъ Заславскій открылъ типографію. Одинъ изъ пріятелей Заславскаго, рабочій Наддачинъ, послѣ закрытія бани переѣхалъ въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ поступилъ на службу въ желѣзнодорожныя мастерскія и занимался пропагандою среди рабочихъ. Онъ былъ арестованъ, но открыть его помощниковъ или послѣдователей такъ и не удалось.

На основаніи данныхъ, добытыхъ дознаніемъ

по дѣлу Заславскаго и его товарищей, обвинительная власть пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

1) что въ 1875 году въ средѣ рабочихъ города Одессы велась противоправительственная пропаганда, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ образованіе союза рабочихъ съ цѣлью въ будущемъ насильственно измѣнить существующій нынѣ государственный порядокъ;

2) что на сходкахъ этого союза читали и раздавали рабочимъ книги, возбуждающія къ бунту и явному неповиновенію власти верховной;

3) что основателемъ и руководителемъ этого союза былъ дворянинъ Евгеній Заславскій;

4) что въ немъ наиболѣе дѣятельными членами были: Кравченко, Рыбицкій, Силенко и Скверн;

5) что членами этого сообщества, вполнѣ сознававшими преступныя цѣли его и содѣйствовавшими ихъ достиженію, были также: Лущенко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій и Курганскій;

6) что Николай Надлачинъ изобличается въ храненіи книгъ противоправительственнаго содержанія;

7) что Ляховичъ, Волощукъ, Тароненко и Соколовъ уличаются въ распространеніи того же преступнаго содержанія книгъ;

8) что Янъ Рыбицкій, проживавшій съ дѣтства въ Россіи, пріобрѣтя покупкою въ Одессѣ турецкій паспортъ на имя Христофора-Ивана, сталъ проживать по этому паспорту, выдавая его за свой.

Такимъ образомъ, Заславскій, Рыбицкій, Кравченко, Силенко, Скверн, Лущенко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій и Курганскій были преданы суду особаго присутствія правительствующаго сената по обвиненію въ томъ, что соста-

вила сообщество, имѣвшее цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ насильственно ниспровергнуть существующій государственный порядокъ. Кромѣ того, тѣ же лица, а также Ляховичъ, Волощукъ, Соколовъ и Таропенко обвинялись въ распространеніи книгъ, возбуждающихъ къ бунту, Наддачинъ въ храненіи ихъ, Рыбицкій же въ проживательствѣ по чужому виду.

Итого, по дѣлу объ «южно-русскомъ рабочемъ союзѣ» было предано суду 15 человѣкъ, изъ которыхъ: Заславскій присужденъ къ каторжнымъ работамъ на десять лѣтъ; Рыбицкій и Кравченко — на пять; Наумовъ, Силенко, Ляховичъ, Скверп и Мрачковскій сосланы въ Сибирь на поселеніе; Лущенко присужденъ къ заключенію въ арестантскомъ исправительномъ отдѣленіи на два года; Короленко и Курганскій на 1 годъ; Тараненко, Наддачинъ, Соколовъ и Волощукъ приговорены къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Заславскій кончилъ жизнь трагически. Онъ въ тюрьмѣ сошелъ съ ума. «Однажды,—пишетъ въ своихъ воспоминаніямъ С. Жебуневъ, — когда смотритель тюрьмы съ надзирателемъ удалились, и въ корридорѣ воцарилась тишина, я сталъ громко звать сосѣда къ дверямъ. Отвѣта не было, въ сосѣдней же камерѣ раздавались быстрые шаги, очевидно, нервнаго человѣка. Лишь черезъ два часа мнѣ удалось вызвать сосѣда къ дверямъ. На мои вопросы я вдругъ услышалъ, къ моему ужасу, нервный голосъ безумнаго человѣка:

— Я знаю, меня посадили сюда съ научною цѣлью; я сижу здѣсь въ антропологическомъ кабинетѣ; съ окна кабинета я долженъ изучать человѣческіе типы. Что же, я для науки готовъ страдать, но пусть же дозволятъ моимъ женѣ и дочери посѣщать меня... Вотъ, слышите, меня

зовутъ къ телеграфу. Моя камера вѣдь соединена телеграфомъ съ университетомъ.

Заславскій сошелъ съ ума вскорѣ послѣ ареста, въ арестантскомъ домѣ, откуда его перевели въ тюрьму. Смотритель тюрьмы, боясь, чтобы больной не лишилъ себя жизни, помѣщалъ къ нему на ночь двухъ арестантовъ. Такъ какъ на него находили иногда минуты просвѣтленія, то арестанты нерѣдко уходили изъ его камеры въ восторгѣ и удивленіи отъ рѣчей заключеннаго. «И що це за человікъ,—говорилъ одинъ парень Жебуневу,—винъ усе знае».

Изъ Одессы Заславскаго перевели въ Петербургъ, въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ онъ впалъ въ полное тихое умопомѣшательство. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Жебунева, его судили и присудили къ десяти годамъ каторги. Процессъ Заславскаго разбирался съ 23-го по 29-е мая 1877 года, и на немъ присутствовалъ И. С. Тургеневъ. Заславскій умеръ въ домѣ для умалишенныхъ.

Революціонные кружки продолжали существовать не только въ Одессѣ, но и въ Ростовѣ-на-Дону и въ Кіевѣ. Антекманъ говоритъ о ростовскомъ кружкѣ, имѣвшемъ свои отдѣленія также и въ Харьковѣ.

По его словамъ, этотъ кружокъ много поработалъ на пропагандистскомъ пути, исколесилъ вдоль и поперекъ Новороссійскій край, землю Войска Донского, Кубанскую область и часть Уральской. Этотъ кружокъ не былъ богатъ матеріальными средствами, но за то былъ богатъ умственными и моральными. Что ни членъ кружка, то если не крупная, то, во всякомъ случаѣ, своеобразная индивидуальность. Въ этомъ кружкѣ занималъ первое мѣсто столь извѣстный впослѣдствіи Валеріанъ Осинскій. Къ этому кружку принадлежалъ также Емельяновъ, извѣстный

подъ кличкою «Андреичъ». Это тотъ самый молодой человѣкъ, который, подъ фамиліей Боголюбова, былъ задержанъ во время демонстраціи на Казанской площади, былъ осужденъ въ каторгу и выпоротъ въ домѣ предварительнаго заключенія Треповымъ. Впослѣдствіи и онъ заболѣлъ буйнымъ умопомѣшательствомъ и умеръ въ тюрьмѣ во время одного изъ припадковъ. По словамъ Аптекмана, ростовскій кружокъ возлагалъ на «Андреича» большія надежды, считая его прекраснымъ организаторомъ.

Членами харьковско-ростовскаго кружка состояли также: Мощенко, Новицкій, Федоровъ и другіе.

Равнымъ образомъ, послѣ разгрома 1874—5 года почти не прекращали своей дѣятельности революціонные кружки Кіева, гдѣ дѣйствовали Дебогорій-Мокріевичъ, Анна Макаревичъ, Стефановичъ, Дейчъ и другіе. Какъ извѣстно изъ воспоминаній Мокріевича, они въ мартѣ 1876 года двинулись «въ народъ» и поселились на югѣ, въ Кіевской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. Поселенія пропагандистовъ находились въ 10—15 верстахъ одно отъ другого. Они заводили знакомства съ крестьянами, упражнялись въ стрѣльбѣ, изучали карты на случай возстанія. Это и были такъ называемые «троглодиты». Разница между ними и пропагандистами предъидущаго періода и заключалась, именно, въ осѣдлости. Въ то время, какъ пропагандисты странствовали, «троглодиты» останавливались въ излюбленныхъ пунктахъ. Между прочимъ, сами себя они никогда не называли этимъ именемъ, которое было дано имъ впослѣдствіи, главнымъ образомъ, за ихъ конспиративность. Южные «троглодиты» раздѣлялись на нѣсколько группъ. На обязанности одной лежало добываніе матеріальныхъ средствъ, нужныхъ, главнымъ обра-

зомъ, для закупки оружія и устройства тайныхъ складовъ, другая должна была заняться подыскиваніемъ связей между крестьянами. На Анну Макаревичъ было возложено порученіе съѣздить въ Швейцарію и пріобрѣсти тамъ типографскій станокъ, что она и исполнила. Станокъ удалось провести контрабандою черезъ румынскую границу и доставить его въ Кіевъ.

Дебогорій-Мокріевичъ описывалъ нѣсколько иронически дѣятельность «троглодитовъ». По его словамъ, они почти не заводили знакомствъ съ крестьянами и больше упражнялись въ стрѣльбѣ и устраивали съѣзды въ Смѣлѣ или Елизаветградѣ, гдѣ вели идейные споры. Впрочемъ, иронія Мокріевича кажется нѣсколько преувеличенной. Лучшимъ доказательствомъ того, что не всѣ «троглодиты» теряли даромъ время, служитъ знаменитый «Чигиринскій заговоръ» Стефановича, съумѣвшаго завести среди крестьянъ обширныя знакомства и даже организовать спеціальное общество изъ крестьянъ.

Какъ видно изъ воспоминаній Дебогорій-Мокріевича, южные «троглодиты» ликвидировали свои дѣла неожиданно. Въ Елизаветградѣ появился «предатель» Гориновичъ, съ явнымъ намѣреніемъ разслѣдовать жизнь «троглодитовъ» и сдѣлать о нихъ соотвѣтственный докладъ. Но кружокъ не дремалъ. Дейчъ и Стефановичъ завлекли шпіона въ Одессу, гдѣ и жестоко расправились съ нимъ. Послѣ этого случая «троглодиты» считали не безопаснымъ оставаться въ своихъ притонахъ и разбрелись во всѣ стороны.

А. Д. Михайловъ познакомился съ кіевскими кружками зимою 1875—6 года, но и на него они не произвели особенно благопріятнаго впечатлѣнія:

«Я искалъ солидной силы,—пишетъ Михайловъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—опредѣленной

и энергичной дѣятельности, въ Кіевѣ же больше препирались о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣйствовали. Работали немногія единицы, но тѣ сторонились мало знакомыхъ людей. Съ одной стороны, я видѣлъ великія цѣли и громадныя задачи, а съ другой—кучки людей, неорганизованныя, несплоченныя, безъ единаго, общаго плана, безъ опредѣленныхъ практическихъ задачъ. Я ясно сознавалъ безплодность такого положенія вещей. Рѣшивъ свое отношеніе къ партіи, меня тянуло не «въ народъ», что было даже обязательно тогда для каждаго неофита. Нѣтъ, въ моей головѣ родились смѣлыя до дерзости планы—обще-русской организаціи силъ соціально-революціонной партіи...

«Конечно, мои планы не могли осуществиться въ Кіевѣ, гдѣ уже личная враждебность кружковъ одного къ другому мѣшала этому. Тамъ много было генераловъ и адъютантовъ при нихъ, но не было солдатъ, почти не было дѣятельныхъ революціонныхъ силъ. Въ Кіевѣ я познакомился съ Гольденбергомъ, который меня полюбилъ и съ большой охотой водилъ со мною дружбу. Какъ человѣкъ добрый, преданный дѣлу, онъ мнѣ нравился, но глупость его часто меня бѣсила и смѣшила. Здѣсь же я познакомился съ Д. А. Лизогубомъ, Стефановичемъ и многими другими бунтарями. Нѣсколько недѣль они пользовались всей своей ордой (съ револьверами, сѣдлами и проч.) моей квартирой. Я видѣлъ, что они приготовляются къ битвѣ. Это ясно было и по ихъ внѣшности, и по настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя доходили въ принципахъ до крайностей; свое дѣло они отъ меня скрывали».

II.

Саратовскіе «троглодиты».—Кружокъ Гераклитова.—Его разгромъ. — Конспиративная квартира Лаврова. — Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ.—Возникновеніе «Земли и Воли».—Уставъ и программа «Земли и Воли».—Землевольческія поселенія въ Саратовской губ.—«Небесная канцелярія».—Арестъ М. Натансона.—Разгромъ саратовской коммуны.—Мелитопольское и самарское поселенія.—Разгромъ ростовскаго рабочаго кружка.

Холодный сѣверъ не отставалъ отъ пылкаго юга. И тамъ, сейчасъ же послѣ разгрома, стали возникать и развиваться кружки и общества. Въ этомъ отношеніи особенную извѣстность пріобрѣлъ Саратовъ. Несмотря на многочисленные аресты и массовыя исключенія заподозрѣнныхъ изъ учебныхъ заведеній, ферментъ оказался настолько живучимъ, что движеніе продолжало развиваться само собой, уже безъ всякаго воздѣйствія со стороны столичныхъ пропагандистовъ и, какъ въ Одессѣ, вскорѣ перешло въ рабочую среду. Послѣ разгрома московской организаціи въ Саратовъ возвратился тамошній уроженецъ, сынъ священника, бывшій студентъ Петровской академіи, Федоръ Ермолаевичъ Гераклитовъ. Какимъ-то чудомъ онъ спасся отъ ареста въ Москвѣ, переселился въ Саратовъ и сталъ вести жизнь простого рабочаго.

Онъ занимался, какъ профессіей, переплетнымъ мастерствомъ и нанималъ себѣ обыкно-

венно комнату у владѣльца какой-нибудь мелкой мастерской. Сблизившись съ ея рабочими, онъ переселялся къ другому ремесленнику и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ въ короткое время значительное количество учениковъ и послѣдователей среди саратовскихъ рабочихъ. Такъ какъ одинъ онъ былъ не въ силахъ заниматься со всѣми своими учениками, то пригласилъ себѣ въ помощники нѣсколькихъ гимназистовъ старшихъ классовъ: Степанова, Ширяева, Бобогова, Поливанова и друг.

Кружки среди воспитанниковъ Саратовской гимназіи существовали уже, какъ въ старшихъ, такъ и въ младшихъ классахъ. У нихъ имѣлась своя касса, библіотеки легальная и нелегальная, и т. д. Подъ вліяніемъ Гераклитова участники кружковъ стали искать сближенія съ рабочими, посѣщать мастерскія, изучать ремесла. Ширяевъ оставилъ гимназію, поступилъ наборщикомъ въ типографію, бывшій семинаристъ Иванъ Софинскій поступилъ чернорабочимъ на чугунолитейный заводъ, бывшій студентъ московскаго университета Щербина—въ столярную мастерскую и т. д. Зимой 1876 года Гераклитовъ объединилъ десятокъ этихъ лицъ въ особый кружокъ пропагандистовъ, поставившій своею цѣлью организацію поволжскихъ рабочихъ для будущаго возстанія. Вскорѣ вокругъ Гераклитова и его товарищей сплотилось до 40 человѣкъ рабочихъ различныхъ производствъ. Была нанята особая квартира, гдѣ по субботамъ собирались рабочіе. Тамъ же находилась и касса. На собраніяхъ вырабатывался уставъ кассы, обсуждался планъ дѣйствій, читались и раздавались по рукамъ новыя изданія, пѣлись революціонныя пѣсни. Въ началѣ 1877 года конспиративная квартира была разгромлена. Гераклитовъ и С. Ширяевъ успѣли бѣжать за границу, но семь

лицъ: Бобоговъ, Благовѣщенскій, Софинскій, П. Ширяевъ, Щербинскій и слесаря: Нагель и Бобылевъ были сосланы административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію. Большинство рабочихъ, принадлежавшихъ къ организаціи, разъѣхалось изъ Саратова или потеряло связь съ пропагандистами, большая часть кружковой библіотеки погибла въ передрягахъ. Средства кассы ушли на побѣгъ Гераклитова.

Организація распалась, но дѣло не остановилось, такъ какъ оставшихся на свободѣ было достаточно для возстановленія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разгрома рабочаго кружка. Съ цѣлью восполненія убыли пропагандисты рѣшили усилить интенсивность своей работы и начали дѣйствовать, что называется, напропалую. Лѣтомъ 1877 года на Армянской улицѣ была нанята довольно большая квартира, на которой поселились: Лавровъ, Поливановъ и Майновъ. Своимъ знакомымъ они разрѣшили приводить туда всѣхъ желающихъ, и каждый вечеръ у нихъ стали собираться кружки всякаго рода молодежи. Тамъ бывали и рабочіе, и чиновники, и юнкера, и учительницы, и мѣстные жители, и пріѣзжіе. Каждый вечеръ ставилась на обсужденіе и горячо дебатировалась какая-либо тема политическаго характера. Желающимъ раздавались тутъ же нелегальныя изданія. Многіе изъ посѣтителей квартиры втягивались въ кругъ революціонныхъ интересовъ и примыкали къ кружку, другіе появлялись разъ, другой и исчезали съ горизонта.

Къ началу зимы стало ясно, что продолженіе такой дѣятельности невозможно, что не сегодня, завтра послѣдуетъ новый разгромъ, а потому квартира на Армянской улицѣ была оставлена. Члены кружка разселились по одиночкѣ, ввели нѣкоторую конспиративность въ пріемы пропаганды и отдались всецѣло дѣятельности среди

рабочихъ. Къ этому времени въ Саратовѣ появились революціонеры, наѣхавшіе изъ Петербурга и другихъ мѣстъ и рѣшившіе разселиться по деревнямъ Поволжья и на Уралѣ, а потому, прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшей исторіи саратовскихъ кружковъ, намъ необходимо остановиться на обзорѣ дѣятельности петербургскихъ пропагандистовъ.

И въ Петербургѣ дѣятельность подпольныхъ кружковъ почти не прекращалась. На смѣну арестованнымъ пропагандистамъ появились новые, не менѣе талантливые и энергичные. Сильнымъ вліяніемъ на рабочихъ пользовались тѣ изъ нихъ, которые подверглись преслѣдованіямъ по дѣлу о преступной пропагандѣ 1873—74 гг. Сидя въ тюрьмѣ, они много читали и учились и, по выходѣ на волю, горячо принялись за революціонную дѣятельность.

Вообще, пропагандисты среди рабочихъ пользовались большимъ успѣхомъ. Одни изъ нихъ читали очень много, другіе, какъ свидѣтельствуетъ Плехановъ, «не много и не мало, а треть», и предпочитали книжкѣ «умные разговоры» за стаканомъ чаю или за бутылкой пива. Въ общемъ, эта среда отличалась значительнымъ умственнымъ развитіемъ и высокимъ уровнемъ житейскихъ потребностей. Плехановъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что эти рабочіе жили нисколько не хуже, а многіе изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты. Въ среднемъ каждый изъ нихъ зарабатывалъ отъ 1 р. 25 к. до 2 руб. въ день. На этотъ, сравнительно хорошій, заработокъ не легко было существовать семейнымъ, но холостые могли расходовать вдвое больше небогатаго студента. Были между ними и настоящіе богачи, зарабатывавшіе до 3 руб. въ день. Они занимали прекрасныя меблированныя комнаты, покупали

книги, любили побаловать себя бутылкой хорошаго вина, одѣвались франтами.

Впрочемъ, по свидѣтельству Плеханова, рабочіе одѣвались несравненно лучше, а, главное, чище и опрятнѣе студентовъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ для большихъ оказій хорошую черную пару и, когда облекался въ нее, то выглядѣлъ бариномъ гораздо больше любого студента. Революціонеры изъ интеллигенціи часто и горько упрекали рабочихъ за «буржуазную» склонность къ франтовству. Рабочіе въ большинствѣ случаевъ раздѣляли взгляды интеллигенціи, державшейся того мнѣнія, что распропагандированные городскіе рабочіе должны идти въ деревню, чтобы дѣйствовать тамъ въ духѣ той или другой программы. Однако, по свидѣтельству Плеханова, городскіе рабочіе въ большинствѣ случаевъ оказывались непригодными для деревни, и сойтись съ крестьянами имъ было еще труднѣе, чѣмъ интеллигентнымъ революціонерамъ. Они смотрѣли на крестьянъ нѣсколько свысока.

Къ осени 1876 года въ Петербургѣ существовалъ уже весьма многочисленный кружокъ революціонеровъ, центромъ котораго были Маркъ и Ольга, супруги Натансонъ, Оболяшинъ, Соловьевъ. Лѣтомъ 1876 года въ Петербургъ возвратился изъ Кіева и занялъ видное мѣсто среди кружковъ А. Д. Михайловъ, ставшій къ этому времени, какъ самъ выражается, соціалистомъ-революціонеромъ. Вскорѣ въ Петербургѣ появились, съ одной стороны, Валеріанъ Осинскій и Боголюбовъ, командированные ростовскими кружками съ цѣлью завязать сношенія съ Петербургомъ, съ другой стороны, и Стефановичъ, желавшій получить при содѣйствіи петербургскихъ кружковъ оружіе для своей чигиринской организаціи. Начались переговоры по вопросу объ организаціи центра, который объединилъ бы и под-

чинилъ своему вліянію революціонные кружки молодежи, разбросанные по всей Россіи. Такимъ образомъ, возникло общество «Земля и Воля», названіе котораго было, по свидѣтельству В. Засуличъ, предложено Кравчинскимъ, появившимся въ Петербургѣ въ концѣ 1876 года. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ оставался здѣсь не долго и вскорѣ уѣхалъ въ Парижъ сопровождать какую-то больную пріятельницу. Послѣ этого онъ принялъ участіе въ беневентскомъ возстаніи и появился въ Петербургѣ вновь только въ началѣ 1878 года.

Во время переговоровъ по вопросу объ организаціи «Земли и Воли» и случилась знаменитая Казанская демонстрація 6-го декабря 1876 года, когда впервые былъ поднятъ красный флагъ съ надписью «Земля и Воля». Демонстрація окончилась арестами, вырвавшими изъ среды революціонеровъ Емельянова (Боголюбова).

Какъ разсказываетъ Антекманъ, въ концѣ ноября 1876 года, въ Ростовѣ-на-Дону получилось извѣстіе Валеріана Осинскаго изъ Петербурга о томъ, что переговоры съ кружкомъ Натансона уже закончены, и что необходимо, чтобы туда выѣхало еще нѣсколько членовъ ростовскаго кружка для выработки устава и программы общества. «Намъ писали также,—добавляетъ Антекманъ,—что въ общество вступилъ Дмитрій Лизогубъ». Это было очень важное извѣстіе, такъ какъ въ лицѣ Лизогуба общество пріобрѣтало не только беззавѣтно преданнаго революціоннаго дѣятеля, но и капиталиста, отдавшаго на революціонныя дѣла свои большія средства.

Изъ Ростова выѣхали въ Петербургъ и прибыли туда въ концѣ января 1877 года Антекманъ, Мищенко и революціонеръ, извѣстный подъ кличкой «Тигрыча». Они-то, совмѣстно съ представителями «сѣверной революціонно-народничо-

ской группы»: М. и О. Натансонами и Андреевымъ выработали програму общества. Авторомъ доклада по этому вопросу былъ Андреевъ.

«Въ моей памяти,—пишетъ Антекманъ,—хорошо врѣзалась обстановка этого вечерняго засѣданія. Небольшой, но уютный кабинетъ, зажженная лампа на столѣ, передъ столомъ въ креслѣ молодой, плотный господинъ, съ крупными, неправильными чертами лица и отчетливой, увѣренной рѣчью. Это былъ Андреевъ. Мы, харьковцы, размѣстились рядкомъ на диванѣ, противъ насъ на стульяхъ—Натансоны. Андреевъ началъ читать програму».

Програма Андреева касалась всѣхъ деталей агитаціи и организованности революціонныхъ кружковъ. Одновременно съ ней былъ выработанъ уставъ, носившій, впрочемъ, временный характеръ. Въ основу организаціи положенъ былъ строго и систематически проведенный принципъ централизаціи, съ вытекающей изъ него конспиративностью. Существованіе основного кружка сохранялось въ тайнѣ. Въ его члены принимался всякій революціонеръ-народникъ по рекомендаціи не менѣе трехъ членовъ основного кружка.

Поступая въ члены основного кружка, вновь принятый членъ тѣмъ самымъ бралъ на себя обязательство подчиняться всѣмъ его распоряженіямъ.

Членъ кружка, осуществляя на практикѣ цѣль и програму общества, организуя новыя секціи по образу и подобію основного кружка, обязанъ былъ отдавать отчетъ о своей дѣятельности основному кружку.

Новыя секціи, образованныя усиліями члена или членовъ основного кружка, сохраняли полную автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Въ виду возможной убыли членовъ основного кружка, основателю или основателямъ секцій

предоставлялось право привлекать въ кружку тѣхъ или другихъ членовъ секцій, согласно уставу.

Организація основного кружка состояла въ слѣдующемъ. Всѣ дѣла общества вѣдала администрація. Ея мѣстопребываніемъ обязательно долженъ былъ быть Петербургъ. Составъ ея мѣнялся, и члены ея выбирались по большинству голосовъ. Это была самая дѣятельная группа, не только управлявшая дѣлами общества, но служившая бюро для всевозможныхъ справокъ посторонпимъ лицамъ. При ней состояла «небесная канцелярія» (фабрика фальшивыхъ паспортовъ). Администрація не могла сдѣлать ни одного серьезнаго шага, не испросивъ разрѣшенія «совѣта», въ составъ котораго, кромѣ администраціи, входили члены общества, постоянно или временно находившіеся въ Петербургѣ.

Пропагандой, агитаціей и организаціей въ средѣ учащейся молодежи завѣдывала интеллигентная группа, тою же дѣятельностью въ средѣ рабочихъ занималась рабочая группа, самая же многочисленная группа, основнымъ базисомъ дѣятельности которой была деревня, носила названіе «деревенщины». Кромѣ того, существовала еще особая группа, носившая названіе «дезорганизаторской» и преслѣдовавшая слѣдующія цѣли: освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей, защиту отъ правительственнаго произвола. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ лицами, занимающими какое-либо оффиціальное положеніе, съ тѣмъ, чтобы при ихъ посредствѣ занимать различныя должности для революціонныхъ цѣлей.

Такъ какъ и раньше среди революціонеровъ имѣли мѣсто случаи измѣны и, слѣдовательно, ихъ можно было ожидать и въ будущемъ, то об-

щество возложило на дезорганизаторскую группу обязанность, въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого, «изымать его изъ обращенія». Этой группѣ предоставлялись самыя широкія полномочія и значительныя матеріальныя средства. Администрація или совѣтъ должны были знать о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, всякія же детали должны были оставаться въ глубокой тайнѣ.

Въ основной кружокъ входили: Маркъ Натансонъ, его жена, Оболешевъ, Александръ и Адріанъ Михайловы, Лизогубъ, Валеріанъ Осинскій, Александръ Квятковскій, Боголюбовъ (Емельяновъ), Михаилъ Поповъ, Плехановъ, Преображенскій, Трощанскій, Зунделевичъ, Баранниковъ, Андреевъ, Булановъ, Хоттинскій, Мищенко, Тютчевъ. Антекманъ, Игнатовъ и Бердниковъ.

Во главѣ кружка стоялъ Маркъ Натансонъ, дѣятельный организаторъ и весьма трудолюбивый человѣкъ. Благодаря его стараніямъ, «Землѣ и Волѣ» удалось завязать широкія сношенія, какъ въ обществѣ, такъ и среди молодой интеллигенціи, привести въ извѣстность всю массу одиночекъ-революціонеровъ того же направленія, что и общество, установить сношенія между Петербургомъ и югомъ и т. д.

Весною 1877 г. почти весь кружокъ народниковъ, вмѣстѣ съ десятками связанныхъ съ нимъ людей, двинулся «въ народъ».

Въ Самарѣ, Царицынѣ, на Уралѣ, въ Ростовѣ, на Кубани и, вообще, на юго-восточныхъ окраинахъ образовался рядъ поселеній, но центромъ ихъ былъ Саратовъ. Тамъ поселились: Юрій Богдановичъ, Николай Морозовъ, Иванчинъ-Писаревъ, служившій подъ фамиліей Кудряшева волостнымъ писаремъ въ Вольскомъ уѣздѣ, Александръ Михайловъ, Ольга Натансонъ и Вѣра Фигнеръ.

Александръ Михайловъ поселился въ нагорной части города, подъ видомъ торговца отъ старообрядцевъ. Онъ пріобрѣлъ широкія связи среди старообрядцевъ и буквально сдѣлался самъ старовѣромъ съ головы до ногъ. «Даже въ спорахъ съ радикалами, — пишетъ одинъ изъ современниковъ,—онъ постоянно сбивался нечаянно на цитаты изъ разныхъ сектантскихъ цвѣтниковъ».

«Я долженъ былъ во всемъ поддѣлываться подъ эту среду,—пишетъ Михайловъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ,—чтобы, стоя на одной съ нею почвѣ, имѣть возможность вліять на нее... Для интеллигентнаго человѣка это значитъ исполнять 10 тысячъ китайскихъ церемоній и исполнять ихъ естественно. Міръ раскола плѣнилъ меня своею самобытностью, сильнымъ развитіемъ духовныхъ интересовъ и самостоятельно-народной организаціей. Это—могучее государство въ чиновничьемъ государствѣ. Меня сильно манили тайники народно-общиннаго духа, область истинно-народной жизни и народнаго творчества. У меня образовались уже прочныя связи. Я могъ проникнуть уже и въ сибирскіе тайные скиты, и къ астраханскимъ общинамъ, и къ бѣгунамъ, и на Преображенское кладбище».

Михайловъ участвовалъ на одномъ изъ старообрядческихъ съѣздовъ, но его попытка склонить членовъ на революціонный путь не увѣнчалась успѣхомъ. Онъ самъ объясняетъ это, впрочемъ, тѣмъ, что ему пришлось оставить Саратовъ и переѣхать въ Петербургъ добывать средства для организаціи. У послѣдней, вообще, было мало денегъ, всего около 5 тыс. руб. въ годъ, и пропагандисты, которыхъ набралось въ Саратовѣ до 20 человѣкъ, буквально голодали.

Ольга Натансонъ занимала должность фельдшерицы и пріобрѣла въ Саратовѣ большія зна-

комства, какъ среди молодежи, такъ и интеллигентнаго общества, но въ серединѣ лѣта ей неожиданно пришлось возвратиться въ Петербургъ. Въ началѣ іюня былъ арестованъ въ Петербургѣ ея мужъ, Маркъ Натансонъ. За нимъ слѣдили по пятамъ и, наконецъ, поймали его на улицѣ. Агентъ, задержавшій Натансона, получилъ отъ него такую затрещину, что далеко отлетѣлъ прочь. Глава землевольцевъ пустился бѣжать и по дорогѣ успѣлъ даже передать попавшейся ему навстрѣчу революціонеркѣ бывшія при немъ важныя бумаги, но, въ концѣ-концовъ, агентъ, при содѣйствіи подоспѣвшей ему на помощь полиціи, догналъ и задержалъ его.

Послѣ ареста мужа Ольга Натансонъ сдѣлалась душою организаціи. При помощи Александра и Андріана Михайловыхъ и Оболешева она продолжала работать надъ развитіемъ организаціи съ неутомимою энергіею. Благодаря ея стараніямъ, къ участію въ организаціи примкнули окончательно: Перовская, Кравчинскій, Клеменсъ, Тихоміровъ и Морозовъ.

Еще до возвращенія Ольги Натансонъ и Михайлова въ Петербургъ общество «Земля и Воля» крѣпко стало на ноги, организовавъ рядъ поселеній въ Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губерніяхъ, на Дону и Кубани. Всѣ эти поселенія были организованы приблизительно по одному плану, а именно: въ ближайшемъ городѣ облюбованной землевольцами для поселеній мѣстности устраивался «центръ», завѣдывавшій дѣлами мѣстной группы. Каждая изъ мѣстныхъ группъ представляла собою какъ бы снимокъ съ основного петербургскаго кружка: та же структура, тѣ же функціи. Надъ всѣми группами, въ качествѣ согласующаго и направляющаго центра, главенствовалъ петербургскій основной кружокъ.

Революціонеры отправлялись «въ народъ», по возможности, въ качествѣ чернорабочихъ, но положеніе бездомнаго батрака безусловно отрицалось, такъ какъ оно не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянину, привыкшему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность. Поэтому пропагандисты устраивались въ качествѣ всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, маслобойни, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ и т. д. Поселенія размѣщались, по преимуществу, въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не заглохли въ массѣ традиціи протеста, борьбы.

Громадное большинство землевольцевъ жило съ фальшивыми паспортами. «Небесная канцелярія» стояла на высотѣ своего призванія, и документы, изготовляемые ею, были своего рода шедеврами. Она не только фабриковала крестьянскіе и мѣщанскіе виды на жительство, но и прекрасные свидѣтельства, дипломы и аттестаты на званія фельдшеровъ, учителей, акушерокъ и т. д. Землевольцы особенно любили занимать мѣста писарей и учителей, такъ какъ это давало возможность погрузиться въ самую гущу народной жизни.

Въ Саратовѣ землевольцы устроили коммуну, общую квартиру на Камышинской улицѣ, гдѣ собирались всѣ товарищи въ свободное отъ текущей работы время. На этой квартирѣ въ началѣ августа было получено извѣстіе объ истязаніи Боголюбова и избіеніи политическихъ заключенныхъ въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія. «Стонъ раздался въ партіи»,—пишетъ по этому поводу Антекманъ.

Боголюбовское дѣло не остановило работы землевольцевъ. Михайловъ выработалъ подробную программу или проектъ организаціи посе-

леній съ указаніемъ на картѣ Саратовской губерніи тѣхъ пунктовъ, которые должны быть заселены. При этомъ давались самыя детальныя указанія по вопросу о томъ, по какому тракту должны совершаться поиски мѣстъ и по какому тракту должны слѣдовать поселенцы обратно, если бы по какимъ-либо пунктамъ требовалось «замести слѣды искателей мѣстъ». Отъ поселенцевъ требовалось, чтобы они на практикѣ дополняли предварительныя указанія собственными, почерпнутыми изъ опыта соображеніями.

Впрочемъ, какъ свидѣтельствуетъ Антекманъ, спросъ на мѣста значительно превышалъ предложенія. Жаждущихъ и ищущихъ мѣстъ было много, самихъ же мѣстъ мало. Саратовская коммуна сильно возросла численно. Съ юга и Кубани все пребывали новые члены «Земли и Воли», съ цѣлью заселенія саратовскаго края. Сильное увеличеніе коммуны обратило на себя вниманіе, какъ хозяевъ, такъ и сосѣдей. «Что это за люди, ужъ не фальшиво-монетчики-ли?», такъ и читалось въ глазахъ сосѣдей. Вскорѣ противъ оконъ коммуны устроили себѣ постъ два шпіона. Приходилось принимать мѣры, произвести форсированное разрѣженіе коммуны, но къ этому времени матеріальныя средства народовольцевъ настолько оскудѣли, что многимъ не на что было выѣхать изъ Саратова. Было созвано общее собраніе членовъ секціи, на которомъ было рѣшено, что нѣкоторые члены сейчасъ же должны оставить Саратовъ. Коммуну было рѣшено упразднить, предупредивъ объ этомъ заблаговременно иногороднихъ и деревенскихъ товарищей. Но коммуна успѣла привести свое рѣшеніе въ исполненіе только отчасти. Антекманъ, Мищенко, Хоцинскій и Плехановъ выѣхали изъ Саратова, но въ одинъ прекрасный день на коммуну нагрянула по-

лиція. Богоразъ, Бураковъ. Новицкая, Брешинская, Корсакъ и Хошинскій были арестованы. Въ квартирѣ Брешинской была устроена засада, и тамъ былъ арестованъ Плехановъ. У него въ карманѣ было два паспорта, одинъ его, другой—запасной. По дорогѣ въ участокъ онъ успѣлъ выронить одинъ изъ паспортовъ, но это замѣтилъ какой-то прохожій, поднялъ бумагу и любезно передалъ ее Плеханову со словами: «Господинъ, это вы изволили уронить».

Впрочемъ, Плеханову на этотъ разъ повезло. Помощникъ пристава отправился съ нимъ на его квартиру, произвелъ тамъ весьма поверхностный обыскъ и, взявъ съ него подписку явиться въ участокъ на слѣдующій день, отпустилъ его. Это предупредило дальнѣйшіе аресты, такъ какъ Плехановъ принялъ надлежащія мѣры и оповѣстилъ товарищей о происшедшемъ. Что касается участи арестованныхъ, то всѣ они, за исключеніемъ Новицкой и Корсака, были вскорѣ освобождены за отсутствіемъ какихъ-либо уликъ. Корсакъ былъ отправленъ на родину этапнымъ порядкомъ, Новицкая была отдана подъ судъ за проживательство подъ вымышленнымъ именемъ съ фальшивымъ паспортомъ. Судъ ее оправдалъ.

Слѣдствіемъ разгрома была совершенная дезорганизація саратовскаго центра; поселенія остались безъ главы, и понемногу всѣ «деревенщики» разбрелись врозь. Осталась лишь небольшая кучка твердыхъ и непоколебимыхъ. Саратовская организація распалась, не просуществовавъ и года. Причиною крушенія были, впрочемъ, не столько правительственныя гоненія, сколько недостатокъ матеріальныхъ средствъ и вліятельныхъ связей. Послѣднее обстоятельство затормозило разселеніе землевольцевъ по деревнямъ, вызвало скопленіе ихъ въ городѣ, что и обратило на себя вниманіе властей, усилило ихъ бдительность.

Почти одновременно съ саратовскою погибли и другія поселенія: нижегородское, во главѣ котораго стоялъ Квятковскій, и самарское (кружокъ Богдановича, Соловьева и Иванчинъ-Писарева).

Большимъ успѣхомъ пользовалась пропаганда на югѣ, гдѣ Стефановичу чуть-было не удалось вызвать возстанія среди чигиринскихъ крестьянъ.

Харьковско-ростовскій кружокъ устроилъ нѣсколько поселеній на югѣ. Такъ, содержателю почты между Мелитополемъ и Бердянскомъ, Хошинскому, брату извѣстнаго землевольца, было поручено засѣять десять десятинъ земли, уборку которыхъ должны были произвести революціонеры съ цѣлью научиться земледѣльческимъ работамъ. Организацію работъ взялъ на себя Быковцевъ. Мелитопольская группа земледѣльцевъ состояла исключительно изъ мужчинъ. Другая группа, состоявшая изъ мужского и женскаго персонала, отправилась на работы въ Ростовскій уѣздъ, гдѣ руководилъ ими Илья Поповъ. Работы въ Мелитополѣ сошли благополучно. Крестьяне ломали себѣ голову надъ тѣмъ, что за люди эти, Богъ знаетъ откуда появившіеся косари, очевидно, первый разъ въ жизни взявшіе въ руки косу и грабли.

Такъ какъ задачею компаніи, работавшей въ полѣ близъ Мелитополя, было лишь научиться сельскимъ работамъ подъ руководствомъ такихъ людей, какъ Быковцевъ, съ дѣтства знакомый съ этимъ трудомъ, то она не считала нужнымъ симулировать заправскихъ рабочихъ. Колонія не заставляла себя выходить на работы чуть свѣтъ, одновременно съ настоящими рабочими, косившими по сосѣдству. Они выходили на работу около 8 часовъ утра, особенно послѣ того, когда одинъ изъ косарей, Иванъ Левитскій, объявилъ будившему его Быковцеву, что у него ребро зашло за ребро, болятъ спина и бокъ, и встать онъ поло-

жительно не можетъ. Все это вызывало улыбки и удивленіе среди сосѣднихъ крестьянъ, которые, въ концѣ-концовъ, рѣшили, что странные рабочіе «мабуть заграничны вермены», то-есть заграничные армяне; на томъ и порѣшили. Полиція не придиралась къ поселенцамъ.

Не такъ гладко сошла затѣя научиться земледѣльческимъ работамъ въ Ростовскомъ уѣздѣ, гдѣ руководилъ дѣломъ Илья Поповъ. Началось съ того, что къ отцу Попова, сельскому священнику, пріѣхалъ становой и завелъ съ нимъ разговоръ слѣдующаго содержанія:

— Скажите мнѣ, батюшка, ну, я понимаю, говорятъ графиня Воронцова своими руками и копала, и полола, словомъ, занималась чернымъ трудомъ; это, я понимаю, дѣлала она для спасенія души, скажемъ такъ: богоугоднымъ дѣломъ занималась. Ну, а вотъ у Ильи Родіоновича работаютъ въ полѣ студенты и дѣвицы какія-то,— это чѣмъ объяснить?

— Какіе же «какіе-то»?—переспросилъ священникъ.—Тамъ работаетъ и моя дочь, товарки ея по гимназіи, студенты, товарищи сына Ильи, и имъ знакомыя студентки. Я не понимаю, что васъ удивляетъ, Іосифъ Васильевичъ? Для меня ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Я даже, смотря на нихъ, радуюсь, думаю: пусть себѣ поработаютъ на свѣжемъ воздухѣ, запасаются на зиму силами. Вѣдь въ Петербургѣ-то, въ сырыхъ квартирахъ здоровья не наживешь, ну и пусть нашъ благодатный югъ освѣжитъ ихъ здоровье.

— Нѣтъ, отецъ Родіонъ, это не то,—возражалъ становой.—Вотъ отправлюсь я сюда самъ, возьму косу, и пусть они отъ пѣтуховъ до пѣтуховъ потянутъ за мной,—небось скоро бросили бы.

— А вы, Іосифъ Васильевичъ, когда-нибудь косили?

— Нѣтъ, не приходилось, да ужъ ради этого понатужился бы.

На томъ пока и кончились разговоры, но полиція не оставила въ покоѣ косарей. Изъ среды работавшихъ студентки: Конопля, Богомачъ, сестры Товбичъ и Бутенко занимали крестьянскую избу, гдѣ и жили. Однажды, когда онѣ работали въ полѣ, къ хозяйкѣ ихъ явилось гороховое пальто и попросило ее напоить его чаемъ, пока придетъ поѣздъ изъ Владикавказа въ Ростовъ. Хозяйка отвѣчала, что собственнаго самовара у нея нѣтъ, а самоваромъ барышень она не смѣетъ распоряжаться въ ихъ отсутствіи. Хозяйка сообразила, кто такой таинственный посѣтитель, и прогнала его. Ея примѣру послѣдовала и другая крестьянка, у которой хотѣлъ устроиться какой-то сыщикъ съ цѣлью присматривать за странными рабочими.

Вскорѣ начальникъ телеграфной конторы въ Новочеркасскѣ, Гартманъ, сообщилъ ростовскому кружку, что между ростовскимъ жандармскимъ и донскимъ войсковымъ управленіями идутъ переговоры о необходимости произвести обыскъ у сына священника, работающаго на землѣ, принадлежащей войску донскому. Одинъ изъ членовъ кружка, Осипычъ, желая пріѣхать въ Самарскъ (названіе села, гдѣ обитали революціонеры) раньше жандармовъ, отправился въ тотъ же день по желѣзной дорогѣ, поскакавъ туда на извозчикѣ. Колонія находилась тогда въ полѣ, и въ ея отсутствіе пріѣзжій вмѣстѣ съ Михаиломъ Поповымъ очистили ихъ квартиру, унеся въ безопасное мѣсто всѣ подозрительныя книги и вещи. Ильѣ Попову было послано немедленно письмо, въ которомъ революціонеры предупреждались о грозившей имъ опасности. Имъ совѣтовалось, не возвращаясь домой, отправиться пароходомъ

прямо въ Таганрогъ, а оттуда разъѣхаться во всѣ стороны.

Съ вечернимъ поѣздомъ, дѣйствительно, въ Самарскъ нагрянули жандармы. Желая поймать виновныхъ на мѣстѣ преступленія, они отправились въ поле, гдѣ, вмѣсто нигилистовъ-пропагандистовъ, арестовали четырехъ дѣвушекъ-казачекъ, шедшихъ на работы. Подъ стражей, въ спеціальномъ вагонѣ, ихъ отправили въ Ростовъ, куда были вызваны ихъ отцы, удостовѣрившіе, что арестованныя, дѣйствительно, казачки, а не пропагандистки.

Послѣ этого случая продолжать работы въ полѣ было, конечно, невозможно, и вся компанія разъѣхалась.

Вообще, по свидѣтельству М. Р. Попова, какъ въ Ростовѣ-на-Дону, такъ и въ окрестностяхъ его обстоятельства сложились довольно благопріятно для землевольцевъ. Недалеко отъ Ростова, въ землѣ войска донского, былъ заведенъ хуторъ, гдѣ укрывались члены организаціи во время усиленнаго розыска ихъ и всего, что носило характеръ «нелегальщины». Въ Ростовѣ-на-Дону оказывала землевольцамъ всякія услуги семья Осинскихъ, изъ которыхъ Валеріанъ и его братъ служили въ городской управѣ. Справочнымъ бюро для пріѣзжавшихъ былъ угольный складъ одного изъ хорошихъ знакомыхъ Попова.

Революціонная дѣятельность въ Ростовѣ развивалась непрерывно, безъ всякихъ разгромовъ. Многолюдныя сходки рабочихъ собирались на открытомъ воздухѣ лѣтомъ. Правда, Гартманъ, принадлежавшій къ ростовскому кружку, былъ арестованъ, но это произошло внѣ Ростова, въ Екатеринодарѣ. Пропагандистамъ удалось добиться освобожденія Гартмана, котораго взялъ на поруки одинъ священникъ.

Въ Ростовѣ-на-Дону были двѣ конспиративныя квартиры: Михаила Попова и сапожная мастерская Титыча. Жандармы собирались уже нагрянуть туда, но начальникъ жандармскаго управленія на одномъ вечерѣ проговорился какъ-то за картами, что въ Ростовѣ ведется противоправительственная пропаганда и что на-дняхъ будутъ произведены аресты. При разговорѣ присутствовалъ одинъ священникъ, который тотчасъ же сообщилъ эту новость отцу Попову, тоже священнику, а этотъ послѣдній предупредилъ сына.

Узнавъ о грозившей имъ опасности, землевольцы въ тотъ же день закрыли конспиративныя квартиры. Одинъ изъ пропагандистовъ, Ильяшенко, находился какъ разъ въ домѣ хозяина квартиры, въ которой помѣщалась сапожная мастерская, и расплачивался съ нимъ, когда хозяйка увидѣла въ окно жандармовъ, явившихся арестовать сапожниковъ. Хозяйка указала Ильяшенкѣ кладовую, гдѣ онъ могъ спрятаться, и вышла навстрѣчу жильцамъ. Жандармы спросили, кто живетъ въ этомъ флигелѣ? Хозяйка отвѣтила, что тамъ жили три сапожника, но наканунѣ вечеромъ оставили квартиру и уѣхали, кажется, въ Харьковъ. Послѣ этого, конечно, всѣ землевольцы, разыскиваемые полиціею, разъѣхались въ разныя стороны. Вскорѣ, по доносу рабочаго Никонова, былъ произведенъ арестъ многихъ изъ рабочихъ владикавказской желѣзной дороги, среди которыхъ велась особенно успѣшно пропаганда. Къ концу работъ въ мастерскихъ у воротъ помѣстились жандармы и арестовали свыше 50 человѣкъ по указаніямъ Никонова.

III.

Вѣра Засуличъ.—Ея знакомство съ Нечаевымъ.—Скитаніе по тюрьмамъ.—Покушеніе на Трепова.—Дѣло Засуличъ.—Показанія свидѣтелей.—Рѣчь тов. прокурора Кесселя. — Рѣчь Александрова. — Изъ воспоминаній Федорова. Демонстрація послѣ суда надъ В. Засуличъ. —Сидорацкій. — Изъ воспоминаній кн. Мещерскаго.

Выше мы уже отмѣчали неоднократно, какое впечатлѣніе произвела на землевольцевъ расправа Трепова съ Боголюбовымъ. Во всѣхъ поселеніяхъ одновременно раздался общій крикъ о мести. Къ зимѣ 1877 г. въ Петербургъ прибыли съ юга спеціально съ цѣлью отомстить за товарища: Валеріанъ Осинскій, Попко и еще два революціонера. Было предложено нѣсколько плановъ мести, но всѣ они были сданы въ архивъ, такъ какъ исполнить актъ мести взялась В. И. Засуличъ.

До сихъ поръ это имя упомянуто нами только одинъ разъ, въ очеркѣ, посвященномъ Нечаеву, и, дѣйствительно, Засуличъ не принимала никакого участія въ движеніи начала семидесятыхъ годовъ. Біографическія данныя о Вѣрѣ Засуличъ не отличаются обиліемъ фактовъ. Она дочь капитана, рано лишилась отца, жила съ матерью, на 17-мъ году жизни окончила образованіе въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ, послѣ чего З. выдержала съ отличіемъ экзаменъ на званіе домашней учительницы и состояла нѣкоторое

время письмоводителемъ у мирового судьи въ Серпуховѣ. Осенью 1868 г. Вѣра Засуличъ переѣхала въ Петербургъ и поселилась съ матерью на Петербургской сторонѣ. Здѣсь она училась переплетному мастерству и, кромѣ того, ходила въ школу для учителей, чтобы обучиться звуковому способу преподаванія. Въ учительской школѣ З. познакомилась случайно съ Нечаевымъ. Принимая во вниманіе характеръ и методъ дѣйствій послѣдняго, можно положительно утверждать, что она не имѣла ни малѣйшаго представленія о цѣляхъ и замыслахъ Нечаева и считала его обыкновеннымъ студентомъ, игравшимъ нѣкоторую роль во время волненій въ университетѣ.

Услуги, оказываемыя Засуличъ Нечаеву, не выходили изъ разряда самыхъ обыкновенныхъ любезностей. Она передавала по адресу различныя его письма, причемъ, навѣрно, не знала ихъ содержанія. Тѣмъ не менѣе, въ апрѣлѣ 1869 г. сначала у нея былъ произведенъ обыскъ, а затѣмъ она была арестована въ Москвѣ, на вокзалѣ, куда поѣхала съ матерью на лѣто, на дачу.

Съ тѣхъ поръ начинаются скитанія Вѣры Засуличъ. Она просидѣла годъ въ Литовскомъ замкѣ и годъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ больше года ее никуда не вызывали и ни о чемъ не допрашивали. Только въ мартѣ 1876 г. ее, наконецъ, освободили, но, спустя недѣлю, она была опять арестована и отправлена въ пересыльную тюрьму. Ее навѣщали тамъ мать, сестра, носили ей лакомства и книги, въ полной увѣренности, что не сегодня, завтра ее освободятъ. Но на пятый день задержанія ей было объявлено: «пожалуйте, васъ сейчасъ отправятъ въ городъ Крестцы».

Всѣ просьбы отложить высылку на день, другой, дать возможность извѣстить о ссылкѣ родныхъ, запастись платьемъ, деньгами, оказались

напрасными. Въ одномъ платьѣ, въ легкомъ бурнусѣ, ее отправили въ ссылку. Пока ѣхали по желѣзной дорогѣ, было сносно, но затѣмъ ее повезли на почтовыхъ, въ кибиткѣ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ.

Въ легкомъ бурнусѣ стало невыносимо холодно. Жандармъ снялъ шинель и одѣлъ барышню. Привезли ее въ Крестцы и сдали исправнику, который объявилъ Засуличъ: «Идите, вы не арестованы, я васъ не держу. Идите, но по субботамъ являйтесь въ полицейское управленіе, такъ какъ вы состоите у насъ подъ надзоромъ.

Вѣра Засуличъ очутилась въ неизвѣстномъ городѣ. Ея рессурсы состояли: рубль денегъ, французская книжка и коробка шеколадныхъ конфектъ. Нашелся добрый человѣкъ, дьячекъ, который помѣстилъ ее въ своемъ семействѣ. Началась бродящая жизнь женщины, находящейся подъ надзоромъ полиціи. Такъ какъ въ Крестцахъ не представлялось возможности найти какое-нибудь занятіе, то она подала прошеніе о разрѣшеніи ей переѣхать въ Тверь, что и было ей разрѣшено. Изъ Твери она была выслана въ Сольгаличъ, оттуда въ Харьковъ. Часто у нея производились обыски, неоднократно ее задерживали, но, наконецъ, власти позабыли о Вѣрѣ Засуличъ, и она перестала являться каждую недѣлю въ полицію.

Тогда, впрочемъ, контрабанднымъ порядкомъ, Засуличъ возвратилась въ Петербургъ. Извѣстіе о наказаніи Боголюбова она прочла въ «Голосѣ» въ Пензенской губ., гдѣ находилась лѣтомъ 1877 г. съ дѣтьми своей сестры. Это извѣстіе произвело на Вѣру Засуличъ самое удручающее впечатлѣніе. Боголюбовъ не только не былъ женихомъ Засуличъ, какъ это полагали многіе, но она даже никогда не видала и не знала его.

По выраженію Александрова, «онъ былъ по-

литическій арестантъ, и въ этомъ словѣ было для нея все. Политическій арестантъ не былъ для Засуличъ отвлеченное представленіе, вычитываемое изъ книгъ, знакомое по слухамъ, по судебнымъ процессамъ, представленіе, возбуждающее въ честной душѣ чувство сожалѣнія, состраданія, сердечной симпатіи. Политическій арестантъ былъ для Засуличъ—горькое воспоминаніе ея собственныхъ страданій, ея тяжкаго нервнаго возбужденія, постоянной тревоги, томительной неизвѣстности... Политическій арестантъ былъ ея собственное сердце, и всякое грубое прикосновеніе къ этому сердцу болѣзненно отзывалось на ея возбужденной натурѣ».

Въ сентябрѣ 1877 г. Вѣра Засуличъ возвратилась въ Петербургъ, 24-го же января 1878 г., въ 10 час. утра, имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Надворный совѣтникъ Гречъ, маіоръ Курнѣевъ, тотъ самый, который исполнялъ обязанности начальника дома предварительнаго заключенія въ то время, когда тамъ была совершена экзекуція надъ Боголюбовымъ, и дежурный помощникъ пристава Цуриковъ ввели просителей въ пріемную комнату градоначальника Трепова. Просителей было 12—15 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилась молодая дѣвушка, закутанная въ тальму. Она назвалась дворянкой Козловой и собиралась подать прошеніе о выдачѣ ей свидѣтельства о благонадежности.

Когда въ пріемную вышелъ градоначальникъ, то онъ, прежде всего, подошелъ къ какой-то старушкѣ, затѣмъ обратился къ Козловой, принялъ у нея прошеніе, сказалъ ей нѣсколько словъ и обратился къ третьей просительницѣ. Козлова не удалялась, и Курнѣевъ сдѣлалъ ей глазами знакъ, чтобы она уходила. Она сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла уходить, но въ это время грянулъ выстрѣлъ. Генералъ Треповъ пошатнул-

ся и сталъ падать, держась рукою за бокъ. Курнѣевъ и Цуриковъ бросились къ Козловой. Одинъ изъ нихъ схватилъ ее за руку, другой за плечи. Стрѣлявшая была выведена въ сосѣднюю комнату. Она оказалась Вѣрою Засуличъ.

Дѣло по обвиненію Засуличъ въ покушеніи на жизнь петербургскаго градоначальника слушалось 31-го марта 1878 г. въ засѣданіи 1-го отдѣленія петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствовалъ А. Ф. Кони, обвинялъ тов. прокурора Кессель, защищалъ прис. пов. Александровъ.

Обвинительный актъ по этому знаменитому дѣлу отличается большою сжатостью. Онъ излагалъ вкратцѣ событіе 24-го января и требовалъ признанія Засуличъ виновною по 9 и 1454 ст.ст. улож. о нак.

Слѣдствіе было открыто допросомъ маіора Курнѣева, очевидца покушенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтеля и исполнителя экзекуціи надъ Боголюбовымъ. Курнѣевъ утверждалъ, что Боголюбовъ при встрѣчѣ съ градоначальникомъ не снялъ шапки, что распоряженіе о наказаніи розгами послѣдовало послѣ того, какъ тюрьма стала бунтовать, что Треповъ, уѣхавъ изъ тюрьмы, прислалъ по этому поводу письменное распоряженіе.

Въ качествѣ свидѣтелей со стороны защиты для выясненія во всѣхъ деталяхъ происшествія 13-го іюля, были допрошены: Петропавловскій, Голоушевъ и Чарушина (урожденная Кувшинская). Особенно сильное впечатлѣніе произвело показаніе послѣдней. Чарушина помѣщалась въ одной изъ камеръ верхняго этажа тюрьмы, откуда прекрасно видѣнъ выходной дворъ. Она разсказала, что въ этотъ ужасный день, прежде всего, въ женское отдѣленіе стали доноситься изъ мужского шумъ, гулъ, крики. Затѣмъ нача-

лось необыкновенное движеніе, начали ходить толпы городовыхъ. Противъ оконъ женскаго отдѣленія, на проходномъ дворѣ, находились два сарая. Вдругъ двери раскрылись, и оттуда вытащили огромныя вязанки розгъ и начали дѣлать изъ нихъ небольшіе пучки. Стало ясно, что готовится что-то тяжелое. Всѣ начали догадываться, что готовится экзекуція...

Въ женскомъ отдѣленіи началось волненіе. Раздались голоса, требованія, чтобы пришелъ кто-нибудь изъ администраціи объяснить, что значатъ эти приготовленія. Отвѣта не послѣдовало, но розги уже не вязались болѣе во дворѣ, но въ сараѣ. Когда ихъ пронесли черезъ дворъ, то прикрывали фалдами или полами платья...

Въ заключеніе слѣдствія были допрошены эксперты: Склифасовскій, Барчъ, Дунканъ, Баталинъ и Богдановскій, которые высказали единогласное мнѣніе, что выстрѣлъ былъ произведенъ Вѣрою Засуличъ въ упоръ и что рана генерала Трепова принадлежитъ къ разряду тяжкихъ. Въ моментъ процесса состояніе больного сравнительно удовлетворительно, но рана еще гноится, и пуля, оставшаяся въ тѣлѣ, можетъ образовать затекъ или инымъ образомъ подвергнуть жизнь больного опасности.

Тов. прокурора Кессель, по признанію самого защитника Вѣры Засуличъ, произнесъ благородную, сдержанную рѣчь. Онъ обвинялъ Засуличъ въ томъ, что она имѣла заранѣе обдуманное намѣреніе лишить жизни генерала Трепова и что объясненіе ея, будто бы для нея было безразлично, убить или ранить Трепова, не заслуживаетъ довѣрія. Въ доказательство обвинитель приводилъ, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что, отправляясь въ пріемную Трепова, она запаслась самымъ сильнымъ револьверомъ, какіе только имѣлись въ продажѣ. Въ то время былъ извѣ-

степъ только одипъ родъ револьверовъ, сильнѣе «бульдога», изъ котораго стрѣляла Засуличъ, но эти послѣдніе употреблялись только для медвѣжьей охоты и очень длинны.

Что касается Боголюбовской исторіи, то Кессель заявилъ, что ни порицать, ни защищать дѣйствія Трепова онъ не будетъ. «Я вполнѣ вѣрю —говорилъ прокуроръ,—что тѣ факты, которые Засуличъ выставляетъ, какъ мотивъ своего поступка, представились ей въ томъ видѣ, въ какомъ она излагала ихъ на судѣ. Я вѣрю и въ тѣ чувства, о которыхъ она говорила. Я не желаю сказать этимъ, что признаю raison d'être, правильность или неправильность этихъ чувствъ. Я просто принимаю ихъ, какъ факты, исходящіе изъ того общаго положенія, что каждый человѣкъ воленъ имѣть тѣ чувства, тѣ симпатіи и антипатіи, какія ему угодно. Никто не можетъ требовать отъ человѣка отчета въ его чувствахъ, и судъ, менѣе чѣмъ кто-либо другой, имѣетъ права, средства и желанія требовать такого отчета... Всякій воленъ любить и ненавидѣть кого ему угодно, но никто не можетъ нарушать чужихъ правъ. Всякій человѣкъ, имѣющій здравый разсудокъ, долженъ понимать, что нельзя выражать свои чувства въ такихъ дѣйствіяхъ, въ какихъ выразила ихъ Засуличъ, всякій долженъ понимать, что такого рода дѣйствія, какъ дѣйствія Засуличъ, ведутъ не къ благу общества, а къ тому, что на мѣсто разрушенныхъ чувствъ и той мудрости сердца, къ которымъ всѣ мы обязаны стремиться—права гражданства въ жизни получаютъ грубые инстинкты, ведущіе къ общественной дезорганизаціи».

Прокуроръ указалъ, что дѣйствія Засуличъ не могутъ считаться нравственными, что дурное средство, употребляемое для достиженія благой цѣли, само является фактомъ, подлежащимъ

уничтоженію, и закончилъ свою рѣчь такимъ образомъ:

«Самоувѣренно предположивъ, что ея взглядъ вполнѣ солидаренъ со взглядами общества, получивъ о Боголюбовскомъ дѣлѣ свѣдѣнія отъ лицъ, не бывшихъ очевидцами этого событія, то-есть изъ третьихъ рукъ, Засуличъ нашла возможнымъ устроить какой-то тайный судъ надъ лицомъ, сдѣлавшимъ извѣстныя распоряженія. Устроивъ тайный судъ, она сочла возможнымъ соединить въ своемъ лицѣ и прокурора, и защитника, и судью. Она считала возможнымъ постановить смертный приговоръ, который она же, молодая женщина, привела въ исполненіе, къ счастію, неудавшееся. Я ни одной минуты не думаю, чтобы вы могли признать, что подобнаго рода средства непреступны. Я вполнѣ увѣренъ въ вашемъ согласіи съ тѣмъ, что каждый общественный дѣятель, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ право на судъ законный, а не на судъ Засуличъ. Я увѣренъ также въ вашемъ согласіи, что никакая общественная жизнь, никакая общественная организація невозможны тамъ, гдѣ общественные дѣятели, администраторы, судьи, земскіе дѣятели, публицисты, вынуждены были бы помнить, что, какъ бы они ни поступали, на нихъ все-таки будетъ направленъ револьверъ. Я думаю, что эти общественные дѣятели имѣютъ право на то, на что имѣетъ права каждый человѣкъ, право на жизнь».

Защитникъ Вѣры Засуличъ началъ свою рѣчь съ комплимента по адресу обвинителя, признавъ его рѣчь сдержанной, благородной. Онъ сказалъ, далѣе, что самоуправное убійство, несомнѣнно, преступленіе, но что событіе 24-го января не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ событія 13-го іюля. Поэтому защитникъ перешелъ къ описанію расправы съ Боголюбовымъ, изло-

жилъ исторію Вѣры Засуличъ и закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Господа присяжные засѣдатели! Не въ первый разъ на этой скамьѣ преступленій и тяжелыхъ душевныхъ страданій является предъ судомъ общественной совѣсти женщина по обвиненію въ кровавомъ преступленіи.

«Были здѣсь женщины, смертью мстившія своимъ соблазнителямъ, были женщины, обагрившія руки въ крови измѣнившихъ имъ любимыхъ людей или своихъ счастливыхъ соперницъ. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То былъ судъ правый, откликъ суда божественнаго, который взираетъ не на внѣшнюю только сторону дѣяній, но и на внутренній ихъ смыслъ, на дѣйствительную преступность человѣка. Тѣ женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя».

«Въ первый разъ является здѣсь женщина, для которой въ преступленіи не было личныхъ интересовъ, личной мести, женщина, которая со своимъ преступленіемъ связала борьбу за идею, во имя того, кто былъ ей только собратомъ по несчастію всей ея молодой жизни. Если этотъ мотивъ проступка окажется менѣе тяжелымъ на вѣсахъ общественной правды, если для блага общаго, для торжества закона, для общественной безопасности, нужно призвать кару законную, тогда да совершится ваше карающее правосудіе. Не задумывайтесь! Не много страданій прибавитъ вашъ приговоръ для этой надломленной, разбитой жизни. Безъ упрека, безъ горькой жалобы, безъ обиды приметъ она отъ васъ рѣшеніе ваше и утѣшится тѣмъ, что, можетъ быть, ея страданія, ея жертва предотвратили возможность повторенія случая, вызвавшаго ея поступокъ. Какъ бы мрачно ни смотрѣть на этотъ посту-

покъ, въ самыхъ мотивахъ его нельзя не видѣть честнаго и благороднаго порыва.

«Да, она можетъ выйти отсюда осужденной, но она не выйдетъ опозоренною, и остается пожелать, чтобы не повторялись причины, производящія подобныя преступленія, порождающія подобныхъ преступниковъ».

Реплики въ отвѣтъ на рѣчь защитника не послѣдовало. Вѣра Засуличъ отъ послѣдняго слова отказалась. Предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ въ своемъ резюмэ, что такое убійство, покушеніе, эксперты и т. д. Присяжные удалились для совѣщанія и около 7 час. вечера вынесли короткую резолюцію: «Нѣтъ, не виновна», и А. Ф. Кони объявилъ: «Подсудимая Засуличъ, вы свободны. Судъ сдѣлаетъ немедленно распоряженіе о вашемъ освобожденіи изъ-подъ ареста». Раздались апплодисменты.—Среди публики находился, между прочимъ, и начальникъ дома предварительнаго заключенія Федоровъ. Рѣчь Александрова произвела на него глубокое впечатлѣніе. «Я не пропускалъ ни одного политическаго процесса,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—слышалъ всѣхъ лучшихъ защитниковъ, както: Спасовича, Лохвицкаго, Герарда, Утина, Турчанинова, Потѣхина и друг., но никто изъ нихъ не говорилъ такъ сильно, убѣдительно, захватывая за душу, какъ Александровъ, защитникъ Засуличъ. Впервые я тогда слышалъ на судѣ взрывъ апплодисментовъ, не только со стороны обыкновенныхъ смертныхъ, переполнявшихъ залъ и хоры, но и среди лицъ, сидѣвшихъ за судейскими креслами, изъ которыхъ на многихъ виднѣлись звѣзды. Слѣдовательно, впечатлѣніе было общее».

Александровъ былъ предметомъ бурной оваціи не только въ залѣ суда, но и на улицѣ, гдѣ къ 7 час. вечера собралась громадная толпа народа.

Публика, съ криками «браво»; подняла Александрова на руки и пронесла по улицѣ. Она собралась затѣмъ передъ домомъ предварительнаго заключенія въ ожиданіи оправданной.

Какъ видно изъ воспоминаній Федорова, Вѣра Засуличъ, имѣвшая полную возможность послѣ того, какъ жандармскій офицеръ скомандовалъ «сабли въ ножны» и снялъ часовыхъ, совершенно безпрепятственно выйти на улицу, сочла почему-то нужнымъ отправиться въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ пила чай и занималась уборкою своихъ вещей. Федоровъ возвратился въ окружный судъ и сообщилъ объ этомъ прокурору судебной палаты, который сказалъ ему, какъ бы въ видѣ совѣта, что, до полученія предписанія, ему слѣдовало бы воздержаться съ освобожденіемъ Засуличъ.

Федоровъ отправился въ домъ предварительнаго заключенія, у входа котораго продолжала стоять огромная возбужденная толпа, но не прошло и четверти часа, какъ получилось письменное предписаніе суда о немедленномъ освобожденіи Вѣры Засуличъ. Одновременно участковый приставъ передалъ Федорову просьбу предсѣдателя суда, Кони, о томъ, чтобы Засуличъ была выпущена не на Шпалерную, но на Захарьевскую улицу, во избѣжаніе демонстраціи. Федоровъ излагаетъ подробно мотивы, которыми онъ руководствовался, не исполнивъ распоряженія предсѣдателя, но мы ограничимся приведеніемъ первой, главной: на Захарьевскую улицу не было выхода изъ тюрьмы. Здѣсь намъ остается еще только отмѣтить, что Федоровъ пострадалъ за эту исторію: онъ былъ отправленъ на гауптвахту на семь дней. Хотя генералъ Козловъ, исполнявшій обязанности градоначальника, за болѣзнью Трепова, объявилъ Федорову, въ видѣ утѣшенія, что онъ немедленно представляется къ слѣдующему орде-

ну и что онъ на лѣто будетъ уволенъ въ отпускъ, съ выдачею ему пособія, но Федоровъ обидѣлся и, по отбытіи наказанія, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности управляющаго домомъ предварительнаго заключенія.

Когда, наконецъ, изъ воротъ дома предварительнаго заключенія показалась Вѣра Засуличъ, публика встрѣтила со громомъ аплодисментовъ и понесла на рукахъ по направленію къ Литейному проспекту, но здѣсь загородили ей дорогу жандармы и городовые. Тогда толпа пошла по направленію къ Воскресенскому проспекту. Посрединѣ Шпалерной Вѣру Засуличъ помѣстили въ приведенную карету, которая подвигалась впередъ, эскортируемая толпою. Вдругъ на углу Воскресенскаго проспекта и Фурштатской улицы полиція и пѣшіе жандармы атаковали толпу. Въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Сѣверный Вѣстникъ», Вѣра Засуличъ такъ описываетъ это столкновеніе:

«Жандармы остановили карету, въ которой я ѣхала, съ намѣреніемъ пересадить меня въ другую. Мнѣ и, какъ мнѣ кажется, окружавшей публикѣ пришло на мысль, что, несмотря на оправдательный приговоръ, меня хотятъ арестовать. Публика, съ сознательнымъ-ли намѣреніемъ помѣшать аресту, или, просто, по инстинктивному нежеланію допустить его, со всѣхъ сторонъ тѣснилась къ каретѣ, жандармы же расталкивали ее и отрывали отъ дверцевъ кареты державшіяся за нихъ руки. Затѣмъ раздались выстрѣлы, поднялась невыразимая суматоха, и карета, въ которой я была, уѣхала. При жандармахъ извозчику кареты громко кричали адресъ той знакомой, къ которой я собиралась ѣхать. Въ 2 часа ночи по этому адресу явился полицейскій чиновникъ въ сопровожденіи дворниковъ и трехъ неизвѣстныхъ лицъ. Они осмотрѣли всѣ углы квартиры,

внимательно вглядываясь въ лица всѣхъ бывшихъ тамъ женщинъ. Все это заставляетъ меня вѣрить доходящимъ до меня слухамъ о розыскахъ и о томъ, что имѣется приказъ преслѣдовать меня административнымъ порядкомъ. Я готова была безпрекословно подчиниться приговору суда, но не рѣшаюсь снова подвергнуться безконечнымъ и неопредѣленнымъ административнымъ преслѣдованіямъ и вынуждена скрыться, пока не увѣрюсь, что ошиблась и что мнѣ не угрожаетъ опасность ареста».

Что касается выстрѣловъ, то, какъ оказалось, стрѣлялъ Григорій Сидорацкій (присужденный годъ тому назадъ къ 6-недѣльному заключенію въ смирительномъ домѣ, какъ одинъ изъ обвиняемыхъ по дѣлу «50-ти»). Однимъ изъ выстрѣловъ была убита Рафаилова, «нигилистка», поясняетъ оффиціальный отчетъ; другая пуля пробила каску у жандарма; третья положила на мѣстѣ самого Сидорацкаго, который предпочелъ самоубійство аресту.

Тутъ толпу атаковали конные жандармы и въ четверть часа очистили улицу. На мѣстѣ побоища остался только трупъ Сидорацкаго. По версіи, сообщаемой «Началомъ», Сидорацкій не застрѣлился, но былъ убитъ жандармами. «Начало» утверждаетъ, что въ свалкѣ ему попало нѣсколько ударовъ по лицу. Не помня себя, онъ выхватилъ револьверъ и дрожащею рукою выстрѣлилъ наугадъ: «Одна пуля его попадаетъ въ какую-то женщину, другая въ каску жандарма. Послѣ небольшой паузы стрѣляютъ уже въ него и убиваютъ наповалъ. Очевидно, стрѣляла рука болѣе мѣткая и на очень близкомъ разстояніи. Много глазъ видѣло, какъ въ моментъ сумятицы, послѣдовавшей за выстрѣломъ Сидорацкаго, жандармы выхватили изъ кобуръ свои револьверы».

Во время свалки Вѣра Засуличъ исчезла. Она

уѣхала за границу и затѣмъ проживала, главнымъ образомъ, въ Парижѣ и Швейцаріи. Вскорѣ кассаціонный департаментъ сената кассировалъ приговоръ суда присяжныхъ и постановилъ вторичное разсмотрѣніе дѣла, но Вѣра Засуличъ, конечно, разыскана не была, и разборъ дѣла не состоялся.

Здѣсь нельзя не отмѣтить, что покушеніе Вѣры Засуличъ имѣло мѣсто чуть-ли не на второй день послѣ объявленія приговора сенатомъ по дѣлу «193-хъ». «Оно замѣчательно,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ издатель «Гражданина», кн. Мещерскій,—не только по дерзости исполненія, но и по дерзости мотивовъ, побудившихъ эту женщину совершить свое преступленіе не только безболзненно, но даже съ фанатическимъ сознаніемъ исполняемой ею миссіи, свидѣтельствовавшихъ явно о томъ, каково было тогдашнее настроеніе политическихъ преступниковъ и какова была ихъ коллективная сила. Вѣра Засуличъ, въ опасной связи съ тогдашними кружками крамолы, явилась исполнительницею какого-то приговора правосудія надъ петербургскимъ градоначальникомъ за то, что онъ, при посѣщеніи дома заключенныхъ, велѣлъ подвергнуть тѣлесному наказанію одного арестанта, позволившаго себѣ дерзкое съ нимъ обращеніе. Рана, произведенная почти въ упоръ, была тяжелая; пуля засѣла въ нижнюю часть брюшной полости. Государь въ этотъ день посѣтилъ своего вѣрнаго слугу, но, къ сожалѣнію, малодушные совѣтники поспѣшили дать Государю роковой совѣтъ: согласиться на уходъ съ должности градоначальника генерала Трепова, а это-то имѣло вліяніе на усиленіе крамолы, несравненно сильнѣйшее, чѣмъ самое преступленіе Вѣры Засуличъ. Для всѣхъ фактъ увольненія генерала Трепова признанъ былъ равносильнымъ новому признаку не только торже-

ствующей крамолы, но правительственнаго передъ нею страха...

«Торжественное оправданіе Вѣры Засуличъ происходило какъ будто въ какомъ-то ужасномъ кошмарномъ снѣ... Никто не могъ понять, какъ могло состояться въ залѣ суда самодержавной Имперіи такое страшное глумленіе надъ государственными высшими слугами и столь наглое торжество крамолы, но въ то же время въ какомъ-то летаргическомъ оцѣпенѣніи всѣ молчали, и никто не могъ громко протестовать...

«Такъ, промежъ себя, нѣкоторые русскіе люди говорили, что если-бъ, въ отвѣтъ на такое прямо революціонное проявленіе правосудія, Государь своею властью кассировалъ рѣшеніе суда, весь составъ суда подвергъ изгнанію со службы и проявилъ эту строгость немедленно и всенародно, то, весьма вѣроятно, развитіе крамолы было бы сразу пріостановлено.

«Все, что происходило по дѣлу Вѣры Засуличъ, къ сожалѣнію, носило характеръ рокового малодушія и слабости передъ крамолою. Такъ, дали на улицахъ разжечь цѣлую, громадную демонстрацію въ честь Засуличъ, и рядомъ съ тѣмъ ходили по городу разсказы о томъ, что не только вся зала суда рукоплескала Засуличъ въ минуту ея оправданія, но что даже присутствовавшіе въ залѣ высшіе сановники Государя явились во главѣ этихъ рукоплескателей. Потомъ стали отрицать этотъ фактъ, но, очевидно, дѣло было не въ томъ, апплодировали-ли сановники, или не апплодировали Вѣрѣ Засуличъ, а въ томъ, что, во всякомъ случаѣ, среда высшей интеллигенціи въ Петербургѣ была въ то время такъ настроена, что за правительство и за Государя никто не смѣлъ высказываться, а сочувствіе къ крамолѣ и крамольникамъ, по трусости однихъ и по убѣжденію другихъ, высказывалось громко».

Приводя эти воспоминанія, не можемъ не подчеркнуть, что и кн. Мещерскій удостовѣряетъ, что всеобщія симпатіи были на сторонѣ Вѣры Засуличъ и въ ея выстрѣлѣ увидѣли протестъ человѣческаго достоинства противъ жестокостей и угнетенія.

Одинъ вопросъ является въ высокой степени спорнымъ, дѣйствовала-ли Вѣра Засуличъ по порученію и въ качествѣ члена «Земли и Воли»? По крайней мѣрѣ, судебное слѣдствіе не выяснило принадлежности Засуличъ къ какой-либо партіи. Тунъ тоже утверждаетъ, что она выступила въ качествѣ мстительницы, единственно по своей иниціативѣ, землевольцы же въ своихъ воспоминаніяхъ выражаются по этому вопросу какъ-то неопредѣленно и въ общихъ чертахъ.

IV.

Съѣздъ землевольцевъ. — Пересмотръ программы.—Типографія «Земли и воли».—Зунделевичъ.—«Летучій листокъ». — Пропаганда среди молодежи и рабочихъ.—Демонстраціи на похоронахъ рабочихъ патроннаго завода и Подлевскаго. — Попытка отбить Войнаральскаго. — Покушеніе Кравчинскаго.

Къ концу 1877 г. въ Петербургъ съѣхалось много землевольцевъ по тѣмъ или другимъ причинамъ. Однихъ изгнало изъ провинціи крушеніе ихъ деревенскихъ поселеній, другихъ Петербургъ привлекалъ по соображеніямъ чисто-дезорганизаторскаго свойства. Въ Петербургѣ собралось, такимъ образомъ, много членовъ саратовскаго, нижегородскаго и донского поселеній, которыя, вмѣстѣ съ администраціей и петербургскими группами образовали такъ называемый «Большой совѣтъ».

Въ Петербургѣ собралась довольно значительная группа революціонеровъ, такъ или иначе тяготѣвшихъ къ «Землѣ и Волѣ»: Ольга Натансонъ, Оболешевъ, Зунделевичъ, Андріанъ Михайловъ, Булановъ, М. Р. Поповъ, Преображенскій, Троицанскій, Мощенко, Хотинскій, Квятковскій, Осинскій, Плехановъ, Фроленко, Попко, Лизогубъ и др. Рѣшено было воспользоваться этимъ случаемъ и рѣшить рядъ болѣе важныхъ вопросовъ и дѣлъ, относительно которыхъ администрація не считала себя компетентною. Къ числу такихъ вопро-

совъ относились: 1) пересмотръ устава и программы общества, 2) организація типографской и издательской группъ, 3) изданіе центральнаго литературнаго органа «Земля и Воля», 4) привлеченіе новыхъ членовъ, 5) пропаганда и агитація въ средѣ молодежи, рабочихъ и общества и 6) приведеніе въ окончательный порядокъ имѣвшагося уже у организаціи революціоннаго фонда, такъ называемаго «фонда Лизогуба», и пріисканіе новыхъ источниковъ дохода.

Здѣсь нельзя не отмѣтить, что къ концу 1877 г. у русскихъ революціонеровъ уже была собственная типографія, работавшая въ самомъ Петербургѣ. Члены «Земли и Воли», хотя и сознавали важность и пользу типографіи, но считали устройство ея дѣломъ, не только труднымъ, но прямо невозможнымъ, праздной мечтой. Нашелся, однако, человѣкъ, доказывавшій съ жаромъ, что даже въ самомъ Петербургѣ можно устроить типографію, и бравшійся устроить ее, если только его снабдятъ необходимыми средствами. Этого человѣка звали Аарономъ Зунделевичемъ. Онъ былъ виленскій уроженецъ, сынъ одного мелкаго лавочника—еврея. Какъ пишетъ Степнякъ, послѣ многихъ усилій Зунделевичу удалось побороть недовѣріе товарищей и, получивъ на свою затѣю около 4 тыс. руб., онъ отправился съ этими деньгами за границу, гдѣ пріобрѣлъ всѣ типографскія принадлежности и доставилъ ихъ въ Петербургъ. Онъ завелъ обширнѣйшія связи между контрабандистами, которыми пользовался нѣсколько лѣтъ, какъ для доставки матеріаловъ для своей типографіи, такъ и для перевода черезъ границу эмигрантовъ, желавшихъ почему-либо возвратиться на родину.

Типографія, устроенная Зунделевичемъ, просуществовала около четырехъ лѣтъ и, послѣ рас-

паденія «Земли и Воли», поступила въ распоряженіе «Народной Воли».

Типографія могла, конечно, существовать исключительно благодаря фанатичной преданности со стороны лицъ, работавшихъ въ ней, и той чрезвычайной заботливости, съ какой принимались малѣйшія предосторожности, чтобы оберечь типографію отъ всякихъ опасностей.

Какъ повѣствуетъ Степнякъ, никто не ходилъ туда; никто, кромѣ тѣхъ, кому это было необходимо, не зналъ даже, гдѣ она помѣщалась. Осторожность доходила до того, что не только члены организаціи, которой типографія принадлежала, но даже редакторы и сотрудники печатавшагося тамъ органа не знали, гдѣ она находилась. Обыкновенно только одинъ изъ нихъ посвящался въ тайну, и затѣмъ уже онъ велъ всѣ сношенія, избѣгая по возможности личныхъ посѣщеній. Сношенія сотрудниковъ съ типографіей устраивались въ надежныхъ нейтральныхъ пунктахъ. Тамъ сдавались рукописи, сообщались корректуры и каждый разъ назначались время и мѣсто слѣдующаго совѣщанія. Степняку въ качествѣ сотрудника «Земли и Воли» пришлось только разъ посѣтить типографію, и онъ такъ описываетъ свои впечатлѣнія:

«Типографія помѣщалась на Николаевской улицѣ, въ двухъ шагахъ отъ Невскаго. Со всевозможными предосторожностями я добрался до квартиры и позвонилъ условнымъ образомъ. Мнѣ отворила Марія Крылова, и я вошелъ съ чувствомъ благоговѣнія, какое долженъ испытывать правовѣрный, переступая порогъ храма.

«Въ типографіи работало четыре человѣка: двое мужчинъ и двѣ женщины.

«Марія Крылова, хозяйка квартиры, женщина лѣтъ 45, была однимъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе заслуженныхъ членовъ партіи. Она привле-

калась еще по дѣлу Каракозова и была сослана на житье въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Въ 1874 г. ей удалось бѣжать изъ ссылки. Она была одной изъ лучшихъ наборщицъ, несмотря на то, что отъ развившейся у нея прогрессивной близорукости она почти ничего не видѣла.

«Василій Бухъ, сынъ генерала и племянникъ сенатора, жилъ у Крыловой въ качествѣ квартиранта. У него былъ паспортъ чиновника какого-то министерства, и онъ ежедневно выходилъ изъ дому въ опредѣленное время съ гигантскимъ портфелемъ подъ мышкой, въ которомъ онъ уносилъ номера газеты и приносилъ бумагу для печатанія. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 26—27, блѣдный, съ изящной, аристократической наружностью, и до такой степени молчаливый, что иногда по цѣлымъ днямъ рѣшительно не открывалъ рта. Онъ-то и служилъ посредникомъ между типографіей и внѣшнимъ міромъ.

«Фамилія третьяго изъ обитателей квартиры такъ и осталась тайной. Уже больше трехъ лѣтъ онъ находился въ рядахъ партіи и пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ, но его настоящаго имени никто не зналъ, потому что тотъ, кто ввелъ его въ организацію, умеръ, а всѣ остальные звали его не иначе, какъ «Птицей», прозвище, данное ему за голосъ. Когда, послѣ отчаяннаго, четырехчасового сопротивленія, типографія «Народной Воли», гдѣ онъ работалъ, принуждена была сдаться, и солдаты ворвались въ домъ, онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера. Такъ безъименнымъ онъ жилъ, безъименнымъ сошелъ въ могилу.

«Его положеніе въ типографіи было едва-ли не самымъ тяжелымъ. Дѣло въ томъ, что, въ видахъ осторожности, онъ вовсе не прописывался въ полиціи, такъ какъ каждый предъявленный паспортъ, хотя бы самый лучшій, все же лишняя

опасность. Поэтому ему приходилось постоянно скрываться и по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывать носа за порогъ квартиры, чтобы не попасться на глаза дворнику. Вообще, всѣ работавшіе въ тайныхъ типографіяхъ порывали почти всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ и вели жизнь отшельниковъ. Но бѣдной «Птицѣ» пришлось обречь себя на положеніе настоящаго узника, замурованнаго навсегда въ четырехъ стѣнахъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 22—23, высокій, тонкій, съ худощавымъ лицомъ, обрамленнымъ прядями длинныхъ изсиня-черныхъ волосъ.

«Четвертымъ наборщикомъ была дѣвушка, жившая подъ видомъ служанки Крыловой. Это была миловидная блондинка, 18 или 19 лѣтъ, съ голубыми глазами, которую можно было бы назвать очень красивой, если бы не тяжелое, угнетающее нервное напряженіе, никогда не сходившее съ ея блѣднаго лица. Она казалась живымъ воплощеніемъ тѣхъ нервныхъ мукъ, которыхъ стоитъ людямъ долгая жизнь въ этомъ роковомъ мѣстѣ, подъ угрозой ежечасной, ежеминутной гибели.

«Меня провели по всѣмъ комнатамъ и объяснили, какъ происходитъ работа. Самая типографія была крайне несложной: нѣсколько кассъ съ разными шрифтами; маленькій цилиндръ, только-что отлитый изъ какой-то темнобурой упругой массы, похожей на столярный клей и сладковатой на языкъ; большой, тяжелый цилиндръ, покрытый сукномъ и служившій въ качествѣ пресса; нѣсколько пропитанныхъ чернилами щетокъ и губокъ въ корзинѣ; двѣ-три банки типографскихъ чернилъ. Все было расположено такимъ образомъ, что въ четверть часа могло быть убрано въ большой шкафъ, стоявшій тутъ же въ углу.

«Мнѣ объяснили технику работы и разсказали о нѣкоторыхъ маленькихъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали, чтобы отвратить подозрѣнія со стороны дворника, приносившаго ежедневно въ квартиру воду, дрова и пр. Основнымъ правиломъ было не прятаться, насколько возможно, а, напротивъ, показывать всю квартиру, какъ можно чаще. Наборщики пользовались всякимъ поводомъ, чтобы пустить дворника во внутреннія комнаты, конечно, предварительно убравъ оттуда все подозрительное. Когда повода не было, его сочиняли. Такъ, долго не могли придумать, подъ какимъ бы предлогомъ залучить его въ одну изъ заднихъ комнатъ. Наконецъ, Крылова пошла разъ къ дворнику и сказала, что туда забѣжала крыса, которую нужно убить. Дворникъ явился, понятно, ничего не нашелъ, но дѣло было сдѣлано: теперь онъ побывалъ во всѣхъ комнатахъ и могъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ не видѣлъ ничего подозрительнаго. Разъ въ мѣсяцъ въ квартиру обязательно являлись полотеры.

«Глубокая грусть овладѣла мною при видѣ этихъ людей,—кончаетъ Степнякъ свое описаніе тайной типографіи.—Невольно я сравнилъ ихъ ужасную жизнь съ нашей, и мнѣ стало стыдно. Вся наша дѣятельность при дневномъ свѣтѣ, среди возбуждающей обстановки борьбы, въ кругу товарищей и друзей, развѣ не была она праздникомъ по сравненію съ поистинѣ каторжнымъ существованіемъ, на которое эти люди обрекли себя въ своей унылой, темной норѣ».

Въ своихъ воспоминаніяхъ Аптекманъ приводитъ весьма интересный эпизодъ изъ исторіи издательской дѣятельности «Земли и Воли». Въ январѣ 1878 г., одновременно съ Валеріаномъ Осинскимъ, прибылъ въ Петербургъ депутатъ отъ кіевской группы конституціоналистовъ, Ювеналіевъ, съ предложеніемъ издавать совмѣстно ре-

волюціонный органъ. Это предложеніе горячо поддерживалъ Осинскій, но оно провалилось съ трескомъ. Затѣмъ послѣдовало со стороны конституціоналистовъ другое предложеніе, напечатать въ типографіи «Земли и Воли» воззваніе кіевскихъ конституціоналистовъ къ русскому обществу. По поводу предложенія въ «Большомъ совѣтѣ» происходили самыя ожесточенныя пререканія. Правовѣрные народники, какъ Преображенскій, М. Р. Поповъ, Мищенко, Аптекманъ, высказывались безусловно противъ печатанія въ землевольской типографіи воззваній и литературныхъ произведеній, которыя идутъ въ разрѣзъ съ основными соціально-политическими воззрѣніями общества «Земли и Воли». Осинскій горячо отстаивалъ свое предложеніе.

«Наша типографія — вольная типографія,— говорилъ Осинскій,—и она должна быть таковой не только по имени. Каждое вольное, протестующее слово должно найти въ ней мѣсто. Отказываясь напечатать это воззваніе, мы подрываемъ собственную основу, святую святыхъ нашего революціоннаго credo, права свободы слова. Наша типографія единственная вольная типографія въ Россіи, откуда исходитъ свободное слово. Дадимъ же черезъ нашу типографію и другимъ возможность тоже сказать свое вольное слово».

Осинскаго поддерживали: Оболешевъ-Сабуровъ, Зунделевичъ и Ольга Натансонъ. Въ пылу спора Аптекманъ объявилъ, что, если, паче чаянія, это воззваніе будетъ отпечатано, то онъ, съ своей стороны, приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы изъять его изъ обращенія, и что во всякомъ случаѣ въ среду молодежи оно допущено не будетъ.

Несмотря на протесты, воззваніе, повидимому, все-таки было напечатано. Оно носитъ заглавіе «Летучій листокъ». Въ немъ безымянный авторъ

на основаніи фактовъ послѣднихъ дней (процессъ Вѣры Засуличъ, покушеніе на Котляревскаго и т. д.) заявляетъ, что:

«Бываютъ тревожныя минуты, когда логика событій, несмотря на ихъ кажущуюся безпорядочность и внезапность, съ непреодолимою силою намѣчаетъ ближайшій историческій шагъ, безусловно необходимый для страны». Шагъ этотъ: «конституція, земскій соборъ. Тщетно правительство грозитъ репрессаліями, какъ закрытіе высшихъ учебныхъ заведеній, запрещеніе газетъ, приравниваніе жандармскихъ командъ къ военному караулу или законодательное сокращеніе раіона дѣйствій суда присяжныхъ. Историческаго движенія задержать нельзя. Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки».

При обсужденіи вопроса объ усиленіи средствъ общества Осинскій предложилъ съ этою цѣлью внести въ число функцій дезорганизаторской группы экспропріацію государственныхъ, общественныхъ, а, въ крайнемъ случаѣ, и частныхъ имуществъ. Впрочемъ, предложеніе было единогласно отвергнуто, и главными рессурсами общества являлись средства, получаемыя отъ ликвидаціи имѣній Лизогуба, пожертвовавшаго «Землѣ и Волѣ» свое значительное состояніе.

Результатомъ дѣятельности общества среди молодежи явились волненія въ петербургскомъ университетѣ, послужившія прологомъ къ цѣлому ряду волненій, возникавшихъ въ теченіе 1878 г. то въ одномъ, то въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, и перешедшихъ, наконецъ, въ концѣ года, во всероссійское студенческое волненіе, закончившееся безпощадными репрессіями: массовыми арестами и ссылками студентовъ въ сѣверныя губерніи и Восточную Сибирь. Агитаціонная дѣятельность среди петербургскихъ рабочихъ началась еще въ началѣ 70-хъ

годовъ и продолжалась съ большими или меньшими перерывами вплоть до Казанской демонстраціи —6-го декабря 1876 г., когда одни изъ агитаторовъ были арестованы, другіе были вынуждены скрыться на время изъ Петербурга. Въ концѣ 1877 г. пропаганда опять возобновилась. Вскорѣ представился случай принять активное участіе въ дѣлахъ петербургскаго рабочаго населенія. На васплеостровскомъ патронномъ заводѣ, по непростительной винѣ начальства, произошелъ взрывъ, жертвою котораго сдѣлались четыре человѣка рабочихъ. Революціонный кружокъ, существовавшій на заводѣ, пожелалъ придать похоронамъ ихъ характеръ демонстраціи, пригласивъ по этому случаю землевольцевъ. На похороны явились Осинскій, Плехановъ, М. Р. Поповъ, Полко, Халтуринъ и друг. Заводскій кружокъ присоединился къ нимъ. Начали совѣщаться, что предпринять. Землевольцы находили, что выступать съ революціонною рѣчью было бы неумѣстно, такъ какъ полиція, все время сопровождавшая шествіе, въ большомъ количествѣ стала вокругъ могилъ, но вдругъ выступилъ никому неизвѣстный рабочій и началъ рѣчь революціоннаго характера.

Рабочаго прервали. Раздались полицейскіе свистки. Околоточный надзиратель бросился арестовать рабочаго, но толпа, подъ руководствомъ землевольцевъ, дружно кинулась на полицію и отбила арестованнаго.

Послѣ этого случая землевольцы пріобрѣли среди рабочихъ знакомства и симпатіи.

Вторая демонстрація, не безъ участія землевольцевъ, была на похоронахъ студента, Антона Александровича Подлевскаго. Онъ умеръ отъ чахотки въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, куда былъ переведенъ въ совершенно безнадежномъ состояніи изъ дома предварительнаго заключенія. 25-го февраля. въ 12 час. дня, у часов-

ни госпиталя собралась громадная толпа народа. Полиція, желая воспрепятствовать демонстраціи, хотѣла отложить похороны, но толпа силою ворвалась въ часовню, взяла гробъ и понесла его. На Таврической площади толпу нагнали городовые на извозчикахъ и хотѣли отнять гробъ. Произошла свалка, но тутъ въ дѣло вмѣшалась посторонняя публика, находившая поведеніе полиціи неприличнымъ, и послѣдней пришлось отступить. Тѣло Подлевскаго торжественно понесли на Выборгское католическое кладбище, гдѣ его предали землѣ.

Пропагандою среди студентовъ и рабочихъ, печатаніемъ журналовъ и прокламацій и демонстраціями, въ родѣ описанныхъ выше, не исчерпывается дѣятельность землевольцевъ. Ихъ энергія проявилась, между прочимъ, въ устройствѣ нѣсколькихъ чрезвычайно дерзкихъ побѣговъ изъ тіорьмы. Особенно замѣчательна попытка освободить Войноральскаго.

Еще въ 1875 г., при обширныхъ тюрьмахъ Ново-Борисоглѣбска и Ново-Бѣлгорода, въ Харьковской губ., были устроены отдѣленія для политическихъ арестованныхъ, на 180 человѣкъ каждое, гдѣ они должны были отбывать соотвѣтственное наказаніе до каторжныхъ работъ включительно. Получивъ извѣстіе, что главные обвиняемые по процессу «193-хъ»: Коваликъ, Войноральскій, Рогачевъ и Муравскій, будутъ отправлены въ одну изъ этихъ тюремъ, народовольцы рѣшили отбить ихъ.

Въ іюнѣ 1878 г., въ глухой мѣстности Харькова, въ небольшомъ переулкѣ, была нанята «центральная квартира» для храненія оружія и костюмовъ, устройства собраній и т. д. Тамъ поселились лица, командированныя изъ Петербурга для устройства побѣга, и занялись приготовленіемъ всего необходимаго: были пріобрѣтены че-

тыре хорошія лошади, бричка, полный костюмъ жандармскаго офицера и т. д. Заключенныхъ предполагалось отбить по пути слѣдованія изъ Харькова въ одну изъ вышеупомянутыхъ тюремъ, куда они отправлялись обыкновенно въ сопровожденіи не болѣе двухъ жандармовъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня было получено извѣстіе, что товарный поѣздъ, въ которомъ находятся Коваликъ, Войноральскій, Рогачевъ и Муравскій, въ сопровожденіи жандармовъ и офицера, выѣхалъ изъ Москвы и прибудетъ въ Харьковъ около 12 час. ночи. Немедленно на вокзалъ и на товарную станцію были отправлены два человѣка наблюдать, прибудутъ-ли арестанты. Около 3 час. ночи они сообщили, что арестанты прибыли, что двухъ изъ нихъ отправили въ мѣстный тюремный замокъ, двухъ же прямо въ контору вольнонаемныхъ почтъ для отправленія по назначенію.

Имѣя точныя свѣдѣнія о томъ, что въ Ново-Бѣлгородской тюрьмѣ свободныхъ мѣстъ нѣтъ, революціонеры стали поджидать жандармовъ на дорогѣ въ Ново-Борисоглѣбскую тюрьму. Стояла отвратительная погода. Всю ночь шелъ дождь. Жирная черноземная почва, прилипая огромными комьями къ колесамъ и копытамъ лошадей, страшно затрудняла путешествіе. Революціонеры отъѣхали верстъ десять отъ Харькова и остановились на пригоркѣ, вблизи селенія Росани. Ѣхать дальше они считали неудобнымъ и тамъ устроили наблюдательный пунктъ, но прошло нѣсколько часовъ, и жандармы не появлялись. Революціонеры порѣшили, что, очевидно, арестантовъ повезли не въ Ново-Борисоглѣбскъ, но въ Ново-Бѣлгородъ, а потому они возвратились въ городъ. Оказалось, однако, что они погорячились, такъ какъ, именно, въ Ново-Борисоглѣбскъ

отправили по дорогѣ, на которой они сдѣлали привалъ, Ковалика, Рогачева и Муравскаго.

Получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Войноральскаго повезутъ въ тюрьму на слѣдующее утро, революціонеры составили болѣе обдуманный планъ. Недалеко отъ тюремнаго замка, въ пунктѣ, откуда можно было наблюдать хорошо тюремныя ворота, былъ поставленъ верховой. Другой помѣстился по сосѣдству съ конторою вольнонаемныхъ почтъ, бричка же съ остальными участниками нападенія заняла позицію на небольшомъ проселкѣ, на равномъ разстояніи отъ обѣихъ дорогъ, по одной изъ которыхъ должны были повезти Войноральскаго. Въ бричку сѣли три революціонера, одинъ одѣтый жандармскимъ офицеромъ, два другихъ въ обыкновенныхъ костюмахъ. Было условлено, что верховой извѣститъ находившихся въ бричкѣ, по какой дорогѣ поѣдутъ жандармы, послѣ чего всѣ вмѣстѣ, выѣхавъ на соотвѣтствующую дорогу, поѣдутъ по ней впереди жандармовъ, пока не встрѣтится мѣста, благопріятнаго для нападенія.

Весь вышеописанный планъ былъ выполненъ точно. Прискакалъ верховой, крикнувшій: «На Зміевскую дорогу!», и бричка быстро покатила въ этомъ направленіи, выѣхавъ на дорогу раньше жандармовъ, ѣхавшихъ на тройкѣ. Революціонеры поѣхали впереди жандармовъ, заставляя ихъ слѣдовать за собою на небольшомъ разстояніи. На этотъ разъ погода вполнѣ благопріятствовала. Увидѣвъ за пригоркомъ колокольню ближайшаго села, революціонеры рѣшили, что ѣхать дальше невозможно. Они свернули немного съ дороги и осадили лошадей.

— Стой!—крикнулъ жандармамъ одѣтый офицеромъ, выступивъ на дорогу.

Ямщикъ осадилъ тройку.

— Куда ѣдешь?—спросилъ мнимый офицеръ, подходя къ кибиткѣ.

— Въ Бѣлгородъ!—отвѣтилъ жандармъ, дѣлая подъ козырекъ, но въ этотъ моментъ грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой. Одинъ жандармъ, тяжело раненый, свалился на дно кибитки, но испуганныя лошади понесли. Верховой, находившійся немного впереди, желалъ убить коренную лошадь жандармовъ, но и его лошадь, испугавшись выстрѣловъ, стала на дыбы. Пока онъ справлялся съ нею, жандармы поскакали впередъ. Онъ погнался за ними и на всемъ скаку выпустилъ въ жандармскихъ лошадей всѣ шесть пуль изъ своего револьвера, но выстрѣлы нанесли имъ только легкія раны, заставившія лошадей бѣжать еще быстрѣе. Кибитка съ Войнаральскимъ ускакала, и революціонерамъ не оставалось ничего другого, какъ возвратиться въ Харьковъ.

По оффиціальной версіи, нападавшіе, смертельно ранивъ жандарма Яворскаго, разбѣжались, увидѣвъ, что навстрѣчу имъ идутъ новые жандармы, которые доставили въ тюрьму партію арестантовъ и возвращались обратно. Вернувшись въ Харьковъ, революціонеры оставили на постояломъ дворѣ своихъ лошадей, оружіе и даже, между прочимъ, жандармскую форму. Все это на слѣдующій же день (покушеніе отбить Войнаральскаго было совершено 1-го іюля) попало въ руки властей, благодаря же указаніямъ владѣльца постоялаго двора, уже 2-го іюля. былъ арестованъ главный руководитель покушенія, Петръ Никифоровичъ Фоминъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе установило, что наиболѣе дѣятельными участниками покушенія были: студенты Ефремовъ и Яцевичъ, рабочіе: Радинъ, Рамко, Березнякъ, и одна женщина: Савенкова.

По свидѣтельству Степняка, «инниціатива побѣга принадлежала Софьѣ Перовской. Какъ извѣст-

но, и она находилась въ числѣ обвиняемыхъ по дѣлу «193-хъ», но была оправдана, послѣ чего посвятила свои силы освобожденію товарищей, осужденныхъ на заключеніе въ центральной тюрьмѣ. Сперва ея выборъ остановился на Мышкинѣ, котораго Перовская желала отбить во время слѣдованія изъ Петербурга въ Ново-Бѣлгородъ, но революціонеры проглядѣли отправку Мышкина и узнали о ней только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ. Тогда Перовская рѣшила освободить Войноральскаго. Когда и эту попытку постигла неудача, Перовская,—по словамъ Степняка,—осыпала и безъ того убитыхъ горемъ товарищей жестокими упреками: «Зачѣмъ давали промахи? Зачѣмъ не гнались дальше?»

«Однако, нужно было уѣзжать изъ Харькова возможно скорѣе, потому что полиція прослѣдила нашихъ по горячимъ слѣдамъ. Не имѣя возможности сняться разомъ въ тотъ же день, заговорщики уѣхали двумя партіями. Первая, большая, оставила городъ безъ всякихъ задержекъ, но, когда на вокзалъ явилась вторая, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, всѣ входы были уже заняты разными служителями съ постоялаго двора и оставленныхъ революціонерами квартиръ. По ихъ указаніямъ былъ арестованъ Фоминъ. Двумъ другимъ, оставшимся неузнанными, удалось уѣхать благополучно».

Мѣсяцъ спустя, 4-го августа, Кравчинскій убилъ Мезенцева.

Этимъ террористическимъ актомъ, описаннымъ уже нами раньше, открывается, такъ сказать, второй періодъ дѣятельности петербургскихъ кружковъ «Земли и Воли», закончившійся распаденіемъ этой организаціи.

ИСТОЧНИКИ.

«Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887 г.г. (оффиціальный отчетъ). Москва, 1907 г., изданіе В. Саблина.

С. В. Антекманъ.—«Изъ исторіи революціоннаго народничества. «Земля и Воля» 70-хъ годовъ». «Русск. истор. библіотека», № 19).

Б. Базилевскій.—«Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ». («Руск. истор. библіотека», № 7).

С. Степнякъ.—«Подпольная Россія».

«Процессъ Вѣры Засуличъ». Книгоиздательство «Современникъ».

Вл. Бурцевъ.—«А. Д. Михайловъ» («Русск. истор. библіотека», № 13).

Б. Базилевскій.—«Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.», т. II (1877). Изданіе книг. «Донск. Рѣчь».

